

Морисъ де ла Сизеранъ.

СЛѢПЕЦЪ О СЛѢПЫХЪ.

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

ГРАФА Д'ОССОНВИЛЯ,

члена Французской Академіи.

Переводъ съ французскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Ю. Штауфа (И. Фисона), Кузнецкий, № 18.

1891.

Морисъ де ла Сизеранъ.

СЛѢПЕЦЪ О СЛѢПЫХЪ.

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

ГРАФА Д'ОССОНВИЛЯ,

члена Французской Академіи.

Переводъ съ французскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Ю. Штауфа (И. Фишона), Кузнечный № 18.

1891.

~~~~~  
Печатано по распоряженію г. Предсѣдателя Совѣта  
Попечительства Императрицы Маріи Александровны  
о слѣдующихъ.  
~~~~~

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

~~~~~

Въ послѣднія десять лѣтъ вопросъ о воспитаніи, развитіи и приготовленіи къ труду слѣпыхъ, для доставленія имъ, по возможности, самостоятельнаго существованія, получилъ въ Россіи тѣ же права гражданства, какія онъ имѣетъ съ давнихъ поръ во всѣхъ другихъ образованныхъ государствахъ, и публика наша отнеслась къ нему съ такимъ сочувствіемъ и интересомъ, что мы не сочли бесполезнымъ перевести на русскій языкъ появившуюся въ прошломъ году въ Парижѣ замѣчательную книжку «Les aveugles par un aveugle» Мориса де ла Сизеранъ. Этотъ молодой слѣпецъ, потерявъ зрѣніе въ 9-ти-лѣтнемъ возрастѣ и получивъ отличное образованіе, посвятилъ нынѣ всѣ свои силы и матеріальныя средства на улучшеніе положенія своихъ слѣпыхъ собратьевъ.

Въ русскомъ переводѣ выпущена однако одна глава этой книги, а именно: глава «о Валентинѣ

*

Гаю», на томъ основаніи, что въ русской литературѣ имѣется уже весьма обстоятельное сочиненіе о жизни и дѣятельности этого великаго филантропа (1745 — 1822), написанное докторомъ А. И. Скребицкимъ, и изданное въ Петербургѣ въ 1885 году. У Валентина Гаю впервые родилась мысль о возможности воспитанія и обученія слѣпыхъ; онъ посвятилъ всѣ свои способности разработкѣ этой счастливой идеи, и наконецъ въ 1802 году его труды увѣнчались успѣхомъ: было открыто въ Парижѣ первое училище для слѣпыхъ дѣтей. Въ 1806 году Гаю былъ вызванъ Императоромъ Александромъ I въ Петербургъ для учрежденія въ этомъ городѣ училища слѣпыхъ, которое въ 1807 году и было дѣйствительно открыто. Но обстоятельства сложились такъ неблагопріятно, что, послѣ 11-ти лѣтняго пребыванія въ Петербургѣ, Гаю, возвращаясь въ Парижъ, оставилъ заведеніе всего съ однимъ ученикомъ. — Впрочемъ, учрежденное имъ въ Петербургѣ училище существуетъ до сихъ поръ и состоитъ нынѣ въ вѣдомствѣ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества.

Въ Россіи имѣются въ настоящее время ниже-
слѣдующія учрежденія для слѣпыхъ:

I. Вѣдомства Попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ: училища для слѣпыхъ дѣтей въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Казани, Костромѣ, Воронежѣ, Одессѣ, Харьковѣ, Ревелѣ и Перми, ремесленныя убѣжища для взрослыхъ слѣпыхъ въ Каменецъ-Подольскѣ и Уфѣ, и пріютъ для престарѣлыхъ слѣпыхъ въ Воронежѣ.

II. Вѣдомства Императорскаго Человѣколюбиваго Общества: институтъ слѣпыхъ мальчиковъ, Маріинскій институтъ слѣпыхъ дѣвицъ и Маріинскій пріютъ взрослыхъ дѣвицъ въ С.-Петербургѣ.

III. Вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія: институтъ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ въ Варшавѣ.

IV. Вѣдомства Попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ: богадѣльня слѣпыхъ женщинъ и пріютъ въ память Принца П. Г. Ольденбургскаго для слѣпыхъ дѣтей въ Москвѣ.

V. Частныя заведенія: учебно-воспитательное заведеніе для слѣпыхъ дѣтей въ Москвѣ, инсти-

тутъ слѣпыхъ въ Ригѣ, училища слѣпыхъ въ Гельсингфорсѣ и Куопіо, ремесленное убѣжище въ память доктора медицины Р. Ф. Блессига для взрослыхъ слѣпыхъ обоего пола въ С.-Петербургѣ, богадѣльни слѣпыхъ въ Москвѣ и Петриловѣ, и пріютъ для бывшихъ воспитанниковъ Варшавскаго института слѣпыхъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предъ нами не только хорошая книга, но вмѣстѣ съ тѣмъ и доброе дѣло. Слепецъ заинтересовался судьбою слѣпыхъ и книгою этою хочетъ возбудить къ нимъ участіе не въ однихъ только добрыхъ сердцахъ, безъ напомниманія всегда отзывчивыхъ на всякое несчастье, но въ той большой публикѣ, безъ содѣйствія которой невозможно создать чего-либо основательнаго и прочнаго.

Поставленный судьбою выше тяжелой заботы о насущномъ хлѣбѣ, какова доля большинства слѣпцовъ, онъ особенно принимаетъ къ сердцу нравственное ихъ состояніе и посвящаетъ лучшую часть своей книги старанію поднять своихъ собратій по несчастью въ общественномъ мнѣніи. Я нарочно употребилъ выраженіе «поднять въ общественномъ мнѣніи», такъ какъ г. де ла Сизеранъ именно жалуется (и въ подтвержденіе своей жалобы приводитъ случай, въ которомъ

онъ самъ играетъ роль) на то, что въ обществѣ слѣпецъ считается существомъ низшимъ, неполнымъ, не только лишеннымъ одного драгоценнаго чувства, но и существомъ, нравственныя и умственныя способности котораго до нѣкоторой степени атрофированы и заглохли. Противъ этого-то предупрежденія и протестуетъ авторъ книги, доказывая на первыхъ же страницахъ, что умственное развитіе слѣпаго нисколько не ниже такого же развитія зрячаго.

Зрячій! Вполнѣ-ли ясно мы представляемъ себѣ значеніе этого слова для слѣпаго? Употребляя это слово, мы едвали въ состояніи представить себѣ, сколько не высказанныхъ желаній, сожалѣній, тоски и даже горя оно должно вызывать въ тѣхъ, кто не имѣетъ никакого понятія о его сущности.

Быть зрячимъ значить: не чувствовать себя потеряннымъ въ вѣчномъ мракѣ и какъ будто блуждающимъ въ черномъ туманѣ. Зрячій знаетъ форму и цвѣтъ предметовъ, различаетъ живыя существа, видитъ тѣхъ, кого любить. Какое наслажденіе! Зато каково горе и отчаяніе быть лишеннымъ всего этого! Отчаяніе это, какъ кажется, ежечасно, ежеминутно преслѣдуетъ несчастнаго слѣпца, превращая для него все то, что для насъ служить источникомъ мимолет-

ныхъ, но пріятныхъ ощущеній, въ источникъ лишеній и муки.

Если же вѣрить автору-слѣпцу, — положеніе слѣпаго не настолько уже безотраднo, такъ какъ претерпѣваемые имъ лишенія отчасти вознаграждаются наслажденіями, недоступными зрячему и доставляемыми слѣпцу необыкновеннымъ развитіемъ у него прочихъ внѣшнихъ чувствъ, въ особенности слуха и обонянія. Морись де ла Сизеранъ, испытавъ все это, всѣми силами старается убѣдить и насъ. Не могу не привести прелестной страницы, гдѣ онъ, не задаваясь литературными цѣлями, обнаруживаетъ однако истинный талантъ, описывая тѣ, такъ сказать, добавочныя чувства, которыми обладаютъ слѣпые и которые неизвѣстны зрячимъ.

«Для слѣпаго», говоритъ онъ, «существуетъ много характеристическихъ звуковъ и стуковъ: тутъ — звонъ монастырскаго колокола, бой башенныхъ часовъ церкви или госпиталя, тамъ — стукъ въ столярной мастерской, у каменотеса или близъ строящагося дома. Слепой все это замѣтитъ, приведетъ въ связь и при случаѣ обратитъ себѣ въ пользу. Это относится къ городу и къ селу, а въ чистомъ полѣ сама природа позаботилась дать и слѣпому множество указаній, доставляющихъ ему наслажденія и въ то же время служа-

щихъ ему путеводными знаками. Тутъ, напри-
мѣръ, наклонъ или возвышеніе почвы, колей,
каменистый или песчаный переходъ, полянка,
покрытая муравою, мохомъ или еловыми иглами;
тамъ — смолистый боръ, лужайка, стогъ сѣна,
пучекъ дрока или полевыхъ цвѣтовъ. Въ другомъ
мѣстѣ слышится журчанье ручья, шумъ деревь-
евъ или шелестъ кустарниковъ. Не одинаково
шумятъ сирень и дубъ, когда по нимъ пробѣжитъ
вѣтеръ и не одинаковъ этотъ шумъ въ Маѣ и
въ Октябрѣ. Различны тѣ птицы, которыхъ
слышишь, сидя подъ тѣнью стараго вяза или
въ чащѣ густаго лѣса, или тѣ, что снуютъ надъ
крутымъ берегомъ рѣки, протекающей по лугу...

И такъ, для слѣпаго природа населена, ожив-
лена и разнообразна. Онъ несомнѣнно лишенъ
многихъ удовольствій и ощущеній, которыми
надѣленъ зрячій, но и на его долю остается не-
мало весьма глубокихъ наслажденій и точныхъ
указаній, о существованіи которыхъ зрячій,
полный яркихъ, но развлекающихъ вниманіе,
зрительныхъ впечатлѣній, едва имѣетъ понятіе».

Убѣждены-ли вы теперь? Что касается меня,
то я не вполне убѣжденъ, и даже, прочитавъ
книгу почтеннаго автора-слѣпца, я остаюсь въ
нѣкоторомъ сомнѣніи на счетъ счастливаго по-
ложенія слѣпаго, въ сомнѣніи, причину котораго

я чистосердечно и выскажу. Я знавалъ одного слѣпца, ревностнаго христіанина. Однажды, когда слѣпецъ этотъ случайно находился въ сумерки въ неосвѣщенной комнатѣ, кто-то быстро вошелъ въ нее и, не подумавъ, сказалъ ему: «какъ! вы тутъ въ темнотѣ!» — «О, вы знаете», кротко отвѣчалъ слѣпецъ, «мнѣ всегда свѣтло».

Мнѣ кажется, что г. де ла Сизеранъ принадлежитъ къ тому роду слѣпыхъ, которымъ всегда свѣтло, потому что взоры ихъ обращены къ свѣту, исходящему свыше. Чтобы пояснить мою мысль, скажу, что книга его представляетъ собою прекрасный маленькій трактатъ о христіанской покорности Провидѣнію. Отцами церкви и моралистами, я увѣренъ, (хотя ихъ и не читалъ), написаны прекрасныя страницы на эту тему. Но легче мириться съ чужимъ горемъ, чѣмъ со своимъ собственнымъ, и поучающій насъ примѣромъ, подобно слѣпому автору, всегда будетъ внушать намъ болѣе довѣрія.

Авторъ этой небольшой книги не только старается доказать, что слѣпые вовсе не ниже зрячихъ по умственному развитію, — онъ хочетъ доказать, что и въ нравственномъ отношеніи они живутъ такою же полною и глубокою жизнью, какъ и зрячіе.

И тутъ авторъ самъ можетъ служить примѣромъ. Его попеченіе о слѣпыхъ не ограничивается писаніемъ сочиненій въ ихъ пользу: онъ лично знаетъ многихъ изъ нихъ, слѣдитъ за ними въ ихъ трудномъ существованіи и знакомитъ насъ съ подробностями этого существованія. Отъ него мы узнаемъ, что слѣпые иногда вступаютъ между собою въ бракъ. Довольно часто случается, что зрячія молодыя дѣвушки выходятъ замужъ за слѣпцовъ, но очень рѣдко бываетъ, чтобы зрячій мужчина женился на слѣпой дѣвушкѣ, такъ какъ мужчины неспособны на подобнаго рода самопожертвованіе. Семьи эти бываютъ вообще счастливы, при томъ, конечно, условіи, если они находятъ себѣ заработокъ въ одной изъ доступныхъ имъ профессій, а именно: органистовъ, настройщиковъ, корзищиковъ и др. Недугъ ихъ предохраняетъ ихъ отъ многихъ искушеній и научаетъ ихъ ограничивать свои желанія. Они не помышляютъ ни о достиженіи болѣе высокаго положенія въ свѣтѣ, ни о погонѣ за развлеченіями. Они глубоко наслаждаются семейными привязанностями, — драгоценнѣйшимъ даромъ слѣпцовъ и часто становятся родоначальниками честнаго и притомъ зрячаго поколѣнія. Я желалъ-бы, чтобы наши пессимисты, зачастую тѣмъ болѣе склон-

вые презирать челоѳическую природу, чѳмъ менѳе они ее знаютъ, сопровождали Мориса де ла Сизеранъ въ нѳкоторыхъ изъ тѳхъ посѳщеній, которыя онъ насъ заставляетъ дѳлать. Они были-бы вынуждены сознаться, что, если не среди зрячихъ, то по крайней мѳрѳ среди слѳпыхъ, существуетъ добродѳтель.

Между прочимъ, авторъ знакомитъ насъ съ домашнею жизнью слѳпой четы, живущей въ глухомъ переулкѳ въ предмѳстїи Парижа. Мужъ, по ремеслу щеточникъ, работаетъ въ мастерской, получая по 2 фр. 50 сант. въ день, жена—брошюровщица, зарабатываетъ ежедневно по 1 фр. 50 с. Этого общаго заработка имъ достаточно для содержанїя самихъ себя и двоихъ дѳтей; но нужно еще заработать квартирную плату, и для этого отецъ по вечерамъ отъ 8—12 часовъ вяжетъ сѳти, между тѳмъ какъ мать, окончивъ свои домашнїя работы, садится около него и продолжаетъ шивать тетради. Они разговариваютъ, глядя по временамъ (слѳпые тоже глядятъ) на своихъ дѳтей; они любятъ другъ друга и счастливы. Де ла Сизеранъ не могъ искусье кончить свою защитительную рѳчь въ пользу слѳпыхъ, какъ именно описанїемъ этой картины.

«Гдѳ же счастье?» спрашиваютъ часто. Этими словами начинается даже одно изъ лучшихъ

стихотвореній Виктора Гюго («Осенніе листья»).
Быть слѣпымъ и покориться судьбѣ? Я однако
въ этомъ немного сомнѣваюсь, но прочитайте
эту книгу, и, быть можетъ, автору удастся васъ
убѣдить въ томъ.

Графъ д'Оссонвиль.
членъ французской Академіи.

ВВЕДЕНІЕ.

Дѣйствіе происходитъ въ вагонѣ. Курьерскій поѣздъ остановился только на минуту на станціи ***. Отворивъ дверцы, проводникъ мой коротко проговорилъ: «одинъ пассажиръ на переднемъ мѣстѣ направо». Я живо вскочилъ на подножку, поспѣшно захватилъ чемоданчикъ, пледъ и проч. и, прежде чѣмъ поѣздъ успѣлъ тронуться, часть моихъ вещей была уже разложена въ сѣтки, другая развернута у меня на колѣняхъ, а чемоданчикъ, туго набитый бумагами, раскрытъ на скамейкѣ возлѣ меня. Я вытащилъ изъ этого походнаго бюро только что полученную мною объемистую почту, еще не раскрытую, быстро отдѣлилъ половину, писанную обыкновеннымъ шрифтомъ, отъ другой съ выпуклыми буквами. Потомъ, оставивъ первую часть для прочтенія мнѣ позже, я сталъ пробѣгать вторую, дѣлая замѣтки съ помощью письменной линейки Брайля. Проводникъ мой, зная, что мнѣ давно извѣстно расположеніе вагоновъ, и

что я не нуждался въ его помощи, вошелъ послѣ меня со своимъ багажемъ и, вытащивъ оттуда томикъ Жюль Верна, углубился въ него.

Эта сцена, повторявшаяся для меня въ тысячный разъ и конечно вполнѣ естественная, въ высшей степени заинтриговала пассажира (крупнаго промышленника, какъ онъ мнѣ послѣ сообщилъ), сидѣвшаго противъ меня. Онъ съ любопытствомъ меня оглядывалъ и, когда я погрузился въ свою работу, онъ обратился къ моему проводнику, какъ будто я не въ состояніи самъ былъ отвѣчать на его вопросы.

«Отъ рожденія?» спросилъ онъ.

Мой проводникъ, увлеченный своимъ чтеніемъ, отрицательно кивнулъ головой.

Послѣ паузы, новый косвенный вопросъ:

«Онъ пишетъ?»

Опять мой проводникъ отвѣчалъ утвердительнымъ знакомъ.

За этимъ послѣдовало долгое размышленіе. послѣ котораго въ полголоса новый вопросъ.

«Онъ долженъ быть очень несчастливъ, вѣдь онъ ничего не можетъ дѣлать».

Отвѣтъ знаками оказался уже невозможенъ и тогда я самъ, напирая на мѣстоимѣніе я и намѣренно его повторяя, отвѣчалъ: «Еслибъ я

былъ слѣпъ отъ рожденія, то могъ бы точно также дѣлать все то, что я теперь дѣлаю».

Затѣмъ я принялся деликатно объяснять моему собесѣднику — человѣку впрочемъ весьма любезному — что слѣпой ужъ не такое обиженное природою странное существо, немножко нѣмое, немножко глухое и у котораго всѣ способности заглохли во мракѣ, что можно и отъ него прямо получить свѣдѣнія о немъ самомъ, когда имѣешь его передъ собою, и что нѣтъ надобности обращаться къ третьему лицу съ вопросами: «Кто онъ? Что онъ дѣлаетъ?» какъ будто передъ вами обезьяна, или ученая собачка, или наконецъ несмысленный младенецъ.

Я высказалъ все это и многое другое на счетъ физическихъ, умственныхъ и общественныхъ условій, въ которыхъ живетъ человѣкъ, пораженный слѣпотою.

Прибывъ къ мѣсту своего назначенія, спутникъ мой вышелъ.

Мы помогли ему выгрузить вещи и, прежде чѣмъ закрыть дверцу, онъ, видимо желая показать мнѣ, что понялъ меня, сказалъ не безъ провіи: «Благодарю васъ. Теперь, когда мнѣ случится встрѣтиться со слѣпымъ, я ужъ не скажу: „онъ“».

Я возвратился въ свой уголокъ, но не могъ уже возвратиться къ своей перепискѣ... Я сталъ размышлять, что конечно весьма многіе изъ людей умныхъ и образованныхъ такъ же смотрятъ на слѣпыхъ, какъ мой промышленникъ. Они не знаютъ, что во Франціи 32,000 слѣпыхъ, въ Европѣ ихъ 200,000 *), а на всемъ земномъ шарѣ до двухъ милліоновъ; что вотъ уже цѣлое столѣтіе, какъ благодаря Валентину Гаю (Valentin Haüy), котораго не только жизнь и творенія, но даже имя, неизвѣстны, весьма многіе слѣпые могутъ, съ помощію основанныхъ для нихъ спеціальныхъ школъ дѣлаться людьми дѣятельными и полезными... И мнѣ показалось вовсе не лишнимъ, чтобъ одинъ изъ бывшихъ учениковъ этихъ школъ, безпрестанно имѣющій сношенія съ сотнями слѣпыхъ, объяснилъ съ полною правдивостью, кто такіе эти слѣпые, которыхъ обучаютъ, какъ и зачѣмъ ихъ обучаютъ.

Таково происхожденіе этой книги.

Морисъ де ла Сизеранъ.

---

*) Во всей Европѣ слѣпыхъ гораздо болѣе, потому что въ одной Россіи по оффиціальному численію 1888 года ихъ насчитываютъ до 200,000 человекъ обоего пола. (Прим. переводчика).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПСИХОЛОГІЯ СЛѢПЫХЪ.

ГЛАВА I.

Физическія свойства слѣпыхъ.

Когда хочешь узнать человѣка, надо незамѣтно наблюдать его вездѣ: наединѣ въ его комнатѣ, въ минуты отдыха и за работой, за утренней и вечерней трапезой, дома и на улицѣ. Надо бесѣдовать съ нимъ, не тогда когда онъ въ парадномъ костюмѣ, на официальномъ посѣщеніи; но и когда онъ въ самой будничной обстановкѣ, сидя передъ каминомъ, отдыхаетъ, помѣшивая уголья. Надо видѣть его и одного и въ обществѣ, наблюдать его когда онъ завязываетъ галстухъ, чиститъ шляпу, принимаетъ и отдастъ визитъ. И это еще не все: изучивъ наружность дома, надо попробовать проникнуть внутрь его, чтобъ узнать, что тамъ происходитъ. Какъ напр. судить человѣкъ въ томъ или другомъ вопросѣ? Математическій ли у него умъ? Понимаетъ ли онъ поэзію, метафизику?

Если застанете его съ книгою въ рукахъ, то загляните тихонько черезъ плечо, что онъ чи-

таетъ и особенно что онъ перечитываетъ, надъ чѣмъ онъ останавливается, задумывается, мечтаетъ. Наконецъ, изучивъ свойства физической природы и умственныхъ способностей человѣка, надо взглянуть и въ его нравственное существо: узнать, что онъ любитъ, что ненавидитъ, можетъ быть даже къ чему равнодушенъ. Надо испытать силу его характера въ счастливыя и бѣдственные минуты жизни.

И такъ, чтобы изучить физическія, умственные и нравственные способности слѣпыхъ, мы станемъ наблюдать за ними вездѣ, глядя на нихъ изъ окна на улицу, сопровождать ихъ и внѣ дома, слѣдить за ними шагъ за шагомъ, входить куда они входятъ, и постараемся проникнуть даже въ неприкосновенное ихъ жилище, но такъ, чтобы они этого не замѣтили.

Но это не легко: слухъ развивается въ темнотѣ, вниманіе сосредоточивается всего болѣе на впечатлѣніяхъ слуховыхъ. Известно, что есть большая разница между понятіями—слышать и слушать, видѣть и смотрѣть: глухой смотритъ, слышащій видитъ; зрячій слышитъ, слѣпой слушаетъ; отъ того происходитъ великая чуткость органа слуха, высшая степень распознаванія звуковъ и необыкновенная способность понимать тончайшіе оттѣнки въ области слы-

шанного. Осязаніе, обоняніе тоже развиваются и утончаются; доставляемые ими впечатлѣнія анализируются, запоминаются. Эти три чувства: слухъ, осязаніе, обоняніе, употребляемые чаще слѣпымъ чѣмъ зрячимъ, приводятъ его въ общеніе съ внѣшнимъ міромъ. Если оставить слѣпаго въ полнѣйшей тишинѣ, дать ему околѣнѣть отъ холода и удалить его отъ всякаго вліянія запаха, то онъ почувствуетъ тяжелое ощущеніе пустоты. Но когда онъ находится въ нормальной средѣ, въ которой обнаруживается жизнь со всѣмъ своимъ шумомъ, своими осязательными измѣненіями, и многозначущими, разнообразными вліяніями на обоняніе, то онъ слѣдитъ за всѣмъ, что вокругъ него происходитъ; онъ во всемъ этомъ участвуетъ, всѣмъ интересуется. Безъ зрѣнія можно сдѣлать множество заключеній о различіи улицъ города съ улицами деревни, съ дорогами въ открытомъ полѣ. Большое заблужденіе полагать, что для слѣпаго всѣ улицы, всѣ дороги равны: многія изъ нихъ имѣютъ для него рѣзкія отличія и безо всякихъ распросовъ онъ часто прекрасно знаетъ, гдѣ находится. — Ширина шоссе, свойства почвы, количество и качество встрѣчаемыхъ экипажей, — улицы пересѣкающія тротуары, доски прикрывающія водяныя стоки, которые безпрестанно попадаютъ,

прирѣчные склады—все это служить путеводными знаками.

Осязаніе не сосредоточивается въ однихъ рукахъ,—оно разлито по всему тѣлу. Даже сквозь обувь нога различаетъ свойство грунта, по которому ступаетъ. Заткните уши внимательному слѣпому и онъ все-таки различить, по какой мостовой идетъ: вымощена ли она плоскимъ или круглымъ камнемъ, ступаетъ ли онъ по щебню, дереву, макадаму или по плитѣ водосточной трубы. Онъ различить идетъ ли онъ по тропинкѣ, пашнѣ, соломѣ или по луговой травѣ.

Обоняніе его также тонко въ отношеніи къ различію запаховъ: свѣжей говядины, рыбы, помады, сыраго табаку, кожи, сѣна, аптекарскихъ товаровъ, трюфелей, свѣже-отпечатанной бумаги, цвѣтовъ и мало ли чего еще! Всѣ эти разнообразныя запахи указываютъ ему несомнѣнно, идетъ ли онъ мимо мясника, парикмахерской или башмачной лавки; онъ узнаетъ, вблизи ли онъ рынка или близъ кавалерійской казармы. Изъ открытой форточкы доносится до него запахъ кухмистерской или аптеки; онъ узнаетъ, идетъ ли мимо газетчицы или мимо торговки цвѣтами.

Ко всѣмъ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ осязаніемъ и обоняніемъ, присоединяются слуховыя

впечатлѣнія: улица оказывается или очень людскою, или раздѣленною бульваромъ или аллеей и, смотря потому, — шумной или тихой; иногда черезъ нее проходитъ рельсовый путь, или она служить проѣздомъ для омнибусовъ и множества частныхъ или извозничьихъ экипажей. — И вотъ всѣ они катятъ другъ за другомъ, но не одинаково для слуха. Стукъ конно-железнаго вагона не похожъ на стукъ омнибуса, на движеніе собственнаго или извозничьяго экипажа. Наемная кляченка плетется лѣнливой и усталой рысцой, совсѣмъ иначе, чѣмъ бѣжитъ ретивый конь-рысакъ.

Для слѣпаго существуетъ еще много характеристическихъ звуковъ и стуконъ: тутъ — звонъ монастырскаго колокола, бой башенныхъ часовъ церкви или госпиталя, тамъ — стукъ въ столярной мастерской, у каменотеса или близъ строящагося дома. Слепой все это замѣтитъ, приведетъ въ связь и при случаѣ обратитъ себѣ въ пользу. Это относится къ городу и къ селу, а въ чистомъ полѣ сама природа позаботилась дать слѣпцу множество указаній, доставляющихъ ему наслажденія и въ то же время служащихъ ему путеводными знаками. Тутъ, на примѣръ, наклонъ или возвышеніе почвы, колея, каменистый или песчаный переходъ, полянка, покрытая муравою,

мохомъ или еловыми иглами; тамъ—смолистый боръ, лужайка, стогъ сѣна, пучекъ дрока или полевыхъ цвѣтовъ. Въ другомъ мѣстѣ слышится журчанье ручья, шумъ деревьевъ или шелестъ кустарниковъ. Не одинаково шумятъ сирень и дубъ, когда по нимъ пробѣжитъ вѣтеръ и не одинаковъ этотъ шумъ въ Маѣ и въ Октябрѣ. Различны тѣ птицы, которыхъ слышишь, сидя подъ тѣнью стараго вяза или въ чащѣ густаго лѣса, или тѣ, что снуютъ надъ крутымъ берегомъ рѣки, протекающей по лугу. Кудактанье куръ и пѣніе пѣтуха указываетъ слѣпому близость усадьбы.

И такъ для слѣпаго природа населена, оживлена и разнообразна. Онъ несомнѣнно лишенъ многихъ удовольствій и ощущеній, которыми надѣленъ зрячій, но и на его долю остается немало весьма глубокихъ наслажденій, и точныхъ указаній, о существованіи которыхъ зрячій, полный яркихъ, но развлекающихъ впечатлѣній, едва имѣетъ понятіе.

Легко убѣдиться поэтому, что съ такимъ развитымъ физическимъ чутьемъ сами слѣпые не всегда бываютъ для другихъ только бременемъ, существами скучными и наводящими тоску, неспособными двигаться самостоятельно и всегда требующими тысячи предосторожностей и ты-

сячи усилий для своего передвиженія. Они свободно ходятъ взадъ и впередъ у себя дома, вверхъ и внизъ по лѣстницамъ, выходятъ со двора и благополучно возвращаются; ихъ физическая жизнь можетъ быть дѣятельна и самостоятельна. Въѣ дома, на сельской ли дорогѣ или на освѣщенной улицѣ, въ городѣ какъ и въ деревнѣ, они знаютъ гдѣ находятся, могутъ руководить своимъ вожатымъ (который всего чаще ребенокъ), какъ орудіемъ весьма полезнымъ, но чисто механическимъ. Это глаза, данные въ распоряженіе разуму слѣпаго. Часто вечеромъ, когда слѣпой ловокъ и хорошо знаетъ часть города, въ которой живетъ, онъ спѣшитъ освободиться отъ проводника, все равно какъ сбрасываютъ съ себя тяжелый плащъ, который гнететъ и давитъ. И эта поспѣшность такъ же велика, какъ и облегченіе, которое слѣпой вдругъ почувствуетъ. Въ сосѣдствѣ заведеній для слѣпыхъ часто встрѣчаются такіе смѣльчаки, идущіе и гуляющіе безъ проводника и безъ палки...

На тихомъ бульварѣ (напр. Инвалидовъ въ Парижѣ), замѣтте этого слѣпаго, проворно пробирающагося вдоль тротуара: онъ переходитъ черезъ нѣсколько улицъ, пробѣгаетъ мимо десяти, двадцати воротъ, не замедляя шага, спус-

кается на песочную аллею, чтобъ обойти прохожихъ, быстро идущихъ ему на встрѣчу, или не наткнуться на дѣтей, играющихъ на тротуарѣ, на господина, прогуливающагося тихими и плавными шагами ради здоровья. Наконецъ онъ дошелъ до двери, передъ которой весьма опредѣленно останавливается, схватывается за ручку звонка: ему отворяють, онъ входитъ.

Хотите за нимъ послѣдовать далѣе: вы увидите какъ онъ проходитъ сѣнцы, отворяетъ стеклянную дверь, быстро вбѣгаетъ на лѣстницу и звонить во второмъ этажѣ... прямо въ конторѣ редакціи журналовъ для слѣпыхъ, и во всякое время, какъ въ теченіи дня, такъ и вечеромъ, я получаю такимъ образомъ посѣщенія слѣпыхъ, которые приходятъ со мной бесѣдовать, обмѣниваться сообщеніями, читають корректуры, рукописи, однимъ словомъ исполняютъ свое дѣло и служатъ нашимъ предпріятіямъ съ полною независимостью физическою и нравственною. Вотъ факты, которые, можетъ быть, покажутся удивительными; они однако существуютъ, какъ вещь самая обыкновенная *).

---

*) Впрочемъ, есть и другіе, еще гораздо болѣе удивительные примѣры ловкости слѣпыхъ. Такъ, американецъ Кембель (Campbell), директоръ института слѣпыхъ и самъ совершенно слѣпой, совершалъ большія путешествія, въ Сѣверо-американ-

Разберемъ, если хотите, всю эту цѣпь дѣйствій. Нашъ слѣпой уже нѣсколько разъ проходилъ по бульвару Инвалидовъ; онъ знаетъ, бульваръ его мало посѣщаютъ, особливо по утрамъ и вечерамъ. Знакомый съ топографіей мѣстности, съ количествомъ и качествомъ выходящихъ на бульваръ перекрестныхъ улицъ, онъ можетъ пуститься въ путь безопасно: онъ не заблудится. И такъ онъ идетъ прямо впередъ, пока ничего не слышитъ. Но вотъ кто-то идетъ на встрѣчу по тому же тротуару. Тогда слѣпой подается на право и расходится со встрѣчнымъ, не замедляя шага. Далѣе дѣти запленили тротуаръ или аллею. Дѣтей угадать легко; ихъ выдаетъ звонкая болтовня и неровные шаги. И вотъ слѣпой, зная что съ этимъ маленькимъ людомъ можно попасть въ просакъ, находитъ что осторожнѣе сойти съ тротуара на аллею или наоборотъ и,

---

сихъ Соединенныхъ Штатахъ, верхомъ и безъ провожатаго. Нѣсколько лѣтъ назадъ, онъ вмѣстѣ со своимъ сыномъ подымался на Монъ-Бланъ въ Швейцаріи, на высочайшую гору въ Европѣ. Можно назвать еще г. Фосета (Fawcett), извѣстнаго англійскаго министра почтъ Гладстоновскаго кабинета, умершаго въ 1884 году, который былъ слѣпъ съ 25-лѣтняго возраста. Для отдыха послѣ занятій и преній въ парламентѣ, онъ зимою катался на конькахъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, и нерѣдко одинъ; а лѣтомъ онъ часто ловилъ рыбу, и ѣздилъ верхомъ, нерѣдко такъ быстро, что подвергался опасности.

обогнавъ юную толпу, онъ возвращается на тотъ путь, который кажется ему удобнѣе. Вы, можетъ быть, никогда не замѣчали, что нѣкоторые тротуары понижаются, приближаясь къ перерѣзывающей ихъ улицѣ. Это замѣтно для глазъ; но нога зрячаго этого не чувствуетъ; слѣпой же никогда не ошибется и этотъ наклонъ покажетъ ему, на какомъ именно пунктѣ слѣдуетъ перейти улицу, точно также какъ выпуклость середины улицы обозначить ему, гдѣ начинается противоположный тротуаръ. Чтобы перейти улицу, по которой онъ слѣдуетъ, и ту, которая перерѣзала ему путь, слѣпой поджидаетъ, не услышитъ ли стука приближающагося экипажа: психологическій моментъ, легко уловимый и весьма обычный. Подходя къ стѣнѣ, къ остановившейся телѣгѣ или просто къ дереву, онъ испытываетъ слуховое, а вмѣстѣ и осязательное ощущеніе. Шаги звучатъ иначе вблизи какого нибудь массивнаго предмета, сжатый воздухъ дѣйствуетъ тогда иначе на кожу лица. Это послѣднее ощущеніе конечно очень тонко, но оно существуетъ; доказательствомъ можетъ служить то, что слѣпому легче направлять свои шаги съ открытой головой нежели въ шляпѣ, низко надвинутой на лицо.

Слѣпому не только не мѣшаетъ самый непроницательный туманъ, но любопытно, что онъ

тогда именно чувствуетъ себя свободнѣе чѣмъ въ ясный день. Экипажи двигаются медленнѣе; прохожіе идутъ съ неувѣренностью, осторожно, и слѣпой этимъ пользуется, не опасаясь столкновеній. Напротивъ, въ свѣтлый день, но при сильномъ вѣтрѣ, заглушающемъ звуки, которыми руководствуется слѣпой, онъ чувствуетъ себя безпомощнѣе. Такимъ образомъ для человека, у котораго зрѣніе замѣняется слухомъ, темнота состоитъ не въ отсутствіи свѣта, а въ отсутствіи или неясности звуковъ.

Если вы станете наблюдать слѣпаго безъ вожакаго на улицѣ, въ то время какъ проходитъ полкъ съ барабаннымъ боемъ, вы увидите, что онъ замедляетъ шагъ и ступаетъ осторожно, потому что въ узкой улицѣ, стѣсненной большими домами, онъ тогда уже ничего не слышитъ и рискуетъ столкнуться и сдѣлать неловкость. Звонъ нѣсколькихъ большихъ колоколовъ, телега, нагруженная желѣзомъ, артиллерійскій обозъ, гремѣющій по мостовой—такія же для него опасныя препятствія. Способъ мощенія и пониженіе тротуара близъ воротъ, плиты прикрывающія водосточныя трубы, перерывъ и возобновленіе асфальта на бульварныхъ аллеяхъ и множество другихъ маленькихъ примѣтъ въ точности опредѣляютъ для слѣпаго его мѣстонахож-

деніе: онъ проходитъ пять, десять, пятнадцать домовъ и останавливается именно передъ тѣмъ, въ который направляется.

Безполезно объяснять, какъ слѣпой входитъ, подымается на лѣстницу, дергаетъ ручку звонка. Онъ это дѣлаетъ точно также, какъ и всѣ другіе, съ тѣми лишь особенностями, какія каждый безсознательно придаетъ этимъ дѣйствіямъ, смотря по обстоятельствамъ, расположенію духа и проч. Они происходятъ неодинаково, когда человѣкъ идетъ къ кредитору, высокопоставленному лицу, къ медицинской знаменитости, должествующей, можетъ быть, произнести страшный для него приговоръ, или когда въ весну любви онъ летитъ на давно желанное свиданіе. Роскошный бель-этажъ богачей, реальный, надменный, грубый, кажется ему выше и утомительнѣе, чѣмъ крутая лѣстница, ведущая въ четвертый этажъ, гдѣ ожидаетъ его любимое существо. И слѣпой точно также проходитъ черезъ всѣ эти чувства и они отзываются въ его походкѣ; иногда его рука какъ у зрячаго задрожитъ, дергая ручку колокольчика, — тамъ гдѣ еще остались старинные колокольчики. Прогрессъ — этотъ великій и прозаичный уравниатель, — замѣнилъ теперь сухимъ и однообразнымъ дребезжаньемъ электрическаго звонка, этотъ добрый

старый колокольчикъ, который неодинаково звучалъ подъ разными руками и часто позволялъ опытному уху различать родъ ожидаемаго посѣщенія.

Дома, въ саду, слѣпой натурально еще независимѣе, еще менѣе стѣсненъ, чѣмъ на улицѣ. Тутъ онъ можетъ подниматься вверхъ, сходить внизъ, двигаться взадъ и впередъ, какъ обыкновенные люди безъ малѣйшей помощи: онъ одѣвается и раздѣвается самъ, ѣстъ и пьетъ какъ всѣ люди и не съ меньшимъ аппетитомъ, чѣмъ кто либо *). Если онъ ловокъ, онъ можетъ даже успѣшно заниматься хозяйствомъ. Хотите убѣдиться въ этомъ? Пойдемте въ богадѣльню слѣпыхъ (Quinze-Vingts) въ Парижѣ. Между тремя стами слѣпцовъ, живущихъ въ этомъ обширномъ и старѣйшемъ благотворительномъ заведеніи, есть немало старыхъ дѣвицъ, которыя, потрудившись лѣтъ тридцать, приходятъ сюда на отдыхъ. Швейцаръ вамъ покажетъ ихъ ком-

---

*) Считаемо не бесполезнымъ изложить эти подробности, въ сущности мелочныя; есть много людей и даже изъ числа образованныхъ, которые отказываются вѣрить, пока не увидятъ сами, и поражены изумленіемъ, когда убѣдятся лично, что слѣпой можетъ подниматься на лѣстницу и спускаться съ оной не сломивъ себѣ шею, направлять свои шаги въ домъ, въ садъ, въ которыхъ онъ ранѣе бывалъ, одѣваться, ѣсть безъ посторонней помощи и т. д.

нату. Постучите въ дверь, вы найдете скромное, но чистенькое помѣщеніе, прибранное съ нѣкоторою кокетливостью. Цвѣты на окнахъ, занавѣсъ надъ кроватью, вязаныя покрывки на креслахъ, чисто вылощенный полъ, ни пылинки на комодѣ—все въ полнѣйшемъ порядкѣ. Если вамъ случится придти въ обѣденное время, особливо въ такой день, когда хозяйка принимаетъ одну или двухъ старыхъ товарокъ, вы увидите, какъ она, накрывъ столъ чистенькою скатертью, опрятно подаетъ кушанье: выпущенную яичницу, сочное телячье жаркое, поджаренный картофель, кремъ съ ванилью. Все это видомъ, запахомъ и вкусомъ прекрасно и очень часто приготовлено, въ присутствіи гостей слѣпыхъ и зрячихъ, слѣпою же хозяйкою, которая сама исправляетъ должность кухарки, горничной и полотера. Прибавлю, что эти подробности не вымыслены. Онѣ были мнѣ сообщены самими гостями.

Конечно, ловкость не дается всякому слѣпому. Среди нихъ, какъ и среди зрячихъ, много такихъ, которые не умѣютъ владѣть ни иглой, ни метлой и не въ состояніи изжарить самую маленькую котлетку.

Надо остерегаться обобщеній въ хорошую, какъ и въ дурную сторону: если кто знаетъ ловкаго

слѣпца, то не долженъ думать, что всѣ они таковы; но за то нельзя заключить и по встрѣченному тяжелому и неловкому слѣпому, что эти свойства непременно присущи слѣпотѣ.

Хотя недостатки чаще преувеличиваются и обобщаются, чѣмъ хорошія качества, случается однакоже, что, удивленные всѣмъ, чего можно достигнуть посредствомъ осязанія, многіе спрашиваютъ: не могутъ ли слѣпые различать и цвѣта?—Нѣтъ, не могутъ. Цвѣтъ не подлежитъ ни осязанію, ни слуху, ни обонянію, ни вкусу. Однако есть краски, имѣющія вкусъ и запахъ, обнаруживающій ихъ присутствіе и слѣпому. Но гораздо чаще предметы по виду отличающіеся только цвѣтомъ, имѣютъ другіе отличительные признаки по ткани, формѣ, размѣрамъ, вѣсу. Вотъ два одинаковые стула, покрытые одинаковою матеріею—шелковою, бархатною или бумажною—все равно; изъ нихъ одинъ красный, другой зеленый; но одинъ тяжелѣе другого. Зрячій, желая отличить эти стулья одинъ отъ другого, скажетъ: красный, зеленый. Онъ и не подумаетъ, что одинъ на триста или четыреста граммовъ легче чѣмъ другой, что есть маленькая разница въ рѣзьбѣ, или что одна матерія болѣе другой потерта, что у одного изъ стульевъ недостаетъ гвоздика на обивкѣ. Слѣпой же тотъ

часть схватить эти различія и запомнить ихъ. Но онъ запомнить также, что одинъ стулъ называли краснымъ, другой зеленымъ, онъ сблизить въ своей памяти осязаемые отличія съ видимыми, и, если вы его затѣмъ попросите подвинуть красный или зеленый стулъ, онъ не задумается надъ выборомъ, и также, какъ вы, скажетъ: «Я сидѣлъ на красномъ стулѣ», потому что знаетъ, живя со зрячими, что надо говорить ихъ языкомъ, а у нихъ всѣ эти стулья называютъ красными, зелеными, а не тяжелыми, легкими, новыми или подержанными.

Такого рода признаки служатъ слѣпымъ для отличія множества предметовъ. Человѣкъ, обладающій всѣми пятью чувствами, поглощенъ тѣмъ, что видитъ; по большей части все его вниманіе направлено на видимые признаки предмета: оно не идетъ далѣе; удовлетворенный признакомъ, видимымъ для глазъ, зрячій не замѣчаетъ, что къ этому видимому признаку присоединяются еще другіе, можетъ быть и менѣе важные, но весьма доступные осязанію, обонянію и вкусу.

Среди людей, говоритъ Паскаль, разнообразіе такъ велико, что всѣ оттѣнки голоса, походки, манеры кашлять, сморкаться, чихать—у каждаго различны. Это вполне вѣрно и тогда какъ зрячіе, внимательные къ тому, что видятъ, къ

чертамъ лица, цвѣту волосъ, бороды, выраженію глазъ, едва замѣчаютъ эти оттѣнки голоса, и походки, слѣпые къ нимъ прислушиваются, чтобъ обратить ихъ въ свою пользу *).

Слѣпой часто распознаетъ, какого рода человека ему случится встрѣтить. Рабочій, направляющійся въ мастерскую съ трубою въ зубахъ, распространяющею ѣдкій табачный дымъ, идетъ не въ такой обуви и не такою походкою, какъ чиновникъ, просматривающій газету и курящій сигару по дорогѣ въ свое министерство. Нарядная дама, случайно идущая пѣшкомъ, имѣетъ иную поступь, чѣмъ женщина, несущая тяжесть; щеголеватая мастерица идетъ на всеневную работу другимъ шагомъ, нежели монахиня, благо-

*) Кто изъ насъ, съ завязанными глазами, могъ бы узнать ростъ людей, которые его окружаютъ, по выраженію ихъ голоса? Между тѣмъ, слѣпые дѣлаютъ это ежедневно, и, что еще изумительнѣе, они угадываютъ, безъ всякихъ другихъ признаковъ, лѣта человека; мы были много разъ свидѣтелями такого явленія. Извѣстно, что голосъ измѣняется ежегодно; но органы наши не довольно чутки, чтобы мы могли сосчитать кольца этой цѣпи; мы замѣчаемъ только крайности: мы легко отличаемъ пискливость дѣтскую, возмужалость, дрожащій голосъ старца; но все промежуточное у насъ исчезаетъ. Время въ своемъ тихомъ, но постоянномъ движеніи, оставляетъ свои слѣды и въ нашемъ голосѣ, также какъ и на чертахъ лица; эти-то слѣды, незамѣтные для насъ, усвоиваетъ себѣ болѣе тонкій слухъ слѣпыхъ.

Ср. доктора Гове. „О воспитаніи слѣпыхъ“, 1833 г.

честиво направляющаяся въ церковь или къ постели больного. Неловкость или стройность походки, способъ себя держать, какъ ни трудно этому повѣрить, познаются слухомъ вслѣдствіе соединенія звуковъ, и это легче слышать, чѣмъ понять и опредѣлить; вѣрно однако то, что слѣпой отличаетъ большую или меньшую гибкость и граціозность въ движеніяхъ и походкѣ.

Но все это обнаруживаетъ только внѣшность человѣка; тонъ же разговора обнаруживаетъ его часто до глубины души. Пока вы будете стоять неподвижно и молчать передъ слѣпымъ, ему невозможно ни узнать, ни даже подозрѣвать, кто вы и какія ваши намѣренія; но это положеніе не можетъ долго продолжаться: вы двигаетесь, кашляете, чихаете. Этого довольно, чтобъ онъ понялъ, что кто то пришелъ, а часто и кто именно пришелъ; вы заговорили и вотъ вы себя выдали. Человѣкъ узнается по голосу, точно также какъ и по наружности, и голосъ менѣе способенъ измѣняться. Послѣ долгой разлуки можно вдругъ не узнавать другъ друга: во довольно одной минуты, чтобъ недоумѣніе разсѣялось. Есть особенность выговора, произношенія словъ, особенности ударенія, нѣкоторые оттѣнки голоса, которые не забываются. Если же они расшевелили душу слѣпому, въ одну изъ рѣ-

шающихъ минутъ его жизни, то воспоминаніе объ этомъ, жгучее или сладостное, врѣзывается въ сердцѣ еще болѣе, нежели въ памяти того, кто не видѣлъ взгляда, но слышалъ, понялъ вздохъ, и вотъ на краю свѣта, послѣ двадцатилѣтней разлуки, можетъ быть и равнодушія, это воспоминаніе заставитъ его назвать человѣка при первомъ его словѣ, при первомъ дыханіи.

Можно искусственно составить себѣ выраженіе лица; но невозможно сдѣлать это съ голосомъ и вотъ преимущество въ пользу слѣпнаго. Часто даютъ себѣ извѣстную физіономію, смотря по обстоятельствамъ; но всегда забываютъ приготовить тонъ голоса и это даже почти невозможно. Трудно поддерживать споръ, даже простой разговоръ, не обнаруживая хоть сколько нибудь чувствъ души: гнѣва, печали, довольства, пренебреженія. Фальшивая интонація тотчасъ же обнаружитъ принужденность, а легкое дрожаніе въ голосѣ, пронія въ его оттѣнкѣ, заставляють угадывать, подъ какими впечатлѣніями находится душа въ то время, когда за нею наблюдаютъ.

Я останавливаюсь; мнѣ совѣстно, что я такъ долго говорилъ о физическихъ способностяхъ слѣпыхъ, — людей, которые всегда находятся близко къ намъ и которыхъ всякій можетъ наблюдать сколько ему угодно.

Знакомъ ли вамъ тотъ классъ людей, которыхъ называютъ въ Парижѣ тряпичниками? Они однако многочисленны и ежедневно подходятъ къ двери каждаго. Эти люди живутъ объѣдками и отбросами жизни Парижанина. Что одинъ началъ, другой оканчиваетъ, и когда предметъ истощенъ для одного, онъ для другого еще полонъ содержанія. А они другъ друга не знаютъ и никогда не узнаютъ: на это недостаетъ времени...

Какъ часто случается, что, взявши листокъ бумаги, мы безотчетно спрашиваемъ себя, не безъ внутренняго участія, о чемъ думалъ тотъ, кто выдѣлалъ этотъ листокъ, въ какой часъ, веселый или печальный, своей жизни онъ мѣсилъ это тѣсто, и какой часъ жизни наступить для того, кто подберетъ его, когда мы его разорвемъ какъ ненужный, или же то лицо, къ которому мы его обращаемъ съ любовью, не будетъ интересоваться имъ, бросить его, какъ потерявшій для него всякую цѣну... Удивительная тщета всего насъ касающагося; но имѣемъ ли мы время размышлять объ этомъ? Конечно нѣтъ... Мы спѣшимъ, суетимся, дѣйствуемъ; но забываемъ жить. Мы не стараемся узнать то, что можетъ быть всего интереснѣе въ жизни: самого человека. Мы сами себя не знаемъ. Удивительно ли послѣ того, что мы не знаемъ слѣпаго.

ГЛАВА II.

Умственные способности.

Слѣпота сама по себѣ не измѣняетъ умственныхъ способностей. Палеографъ, разобравшій множество пожелтѣвшихъ отъ времени пергаментовъ, проводившій надъ своими учеными изслѣдованіями столько безсонныхъ ночей—наконецъ потерялъ зрѣніе. Отъ этого, конечно, его умъ не можетъ умалиться. Веселый мальчуганъ, въ порывѣ рѣзвости нечаянно наткнулся на ножницы, которыя держала его мать, или случайно ему попала въ глаза какая нибудь ѣдкая пыль и онъ ослѣпъ. Отъ этого его умственные способности не ухудшатся. Нѣтъ, дитя, пораженное въ самую веселую минуту, ученый, ослѣпшій у письменнаго своего стола; непремѣнно воспрянуть духомъ и, если въ нихъ есть искра священнаго огня, то они найдутъ пути возвратиться съ прежнею ревностью и ясностью, одинъ къ своему труду, — другой къ своимъ дѣтскимъ играмъ.

Въ сущности, чего же недостаетъ имъ обомъ—

ребенку какъ и взрослому? Только одного изъ орудій, которымъ они пользовались.

Это конечно могущественное орудіе; но такое ли, безъ котораго вовсе нельзя обходиться? Я утверждаю противное, и достаточно вспомнить Мильтона, Саундерсона, Августина Тьерри, Фаусетта, Генриха V Ганноверскаго и многихъ другихъ, чтобъ рѣшить этотъ вопросъ безспорно и положительно.

Для того, чтобы способности оставались нетронутыми послѣ пораженія слѣпотою, само собою разумѣется, надо, чтобы слѣпота не была въ связи съ растройствомъ мозга. Это одно имѣть рѣшающее значеніе для умственнаго состоянія слѣпнаго, въ какомъ бы возрастѣ онъ ни подвергся слѣпотѣ.

Правда, слѣпорожденный будетъ лишенъ понятія о многихъ предметахъ, съ которыми можетъ насъ познакомить только глазъ; но слишкомъ часто преувеличиваютъ и число и значеніе этихъ неудобствъ. Притомъ, относительно немногіе родятся слѣпыми. Наконецъ, я не считаю слишкомъ смѣлымъ утверждать, что зрѣніе повсе не имѣетъ первенства передъ другими чувствами, какъ это вообще принято считать.

Слухъ и осязаніе доставляютъ болѣе познаний, особливо точныхъ, нежели зрѣніе, часто

обманивающее и постоянно требующее контроля осязанія — этого непосредственнаго зрѣнія. Слухъ приводитъ человѣка въ общеніе съ другими людьми, стало быть съ умственнымъ и нравственнымъ міромъ; осязаніе, вкусъ, обоняніе и опять-таки слухъ ставятъ его въ сношенія съ міромъ матеріальнымъ; чего же онъ лишень и что можетъ зрѣніе прибавить къ его отвлеченнымъ познаніямъ? Понятіе о различіи цвѣтовъ, о перспективѣ, о видимой красотѣ и только. Кромѣ этого нѣтъ такихъ свѣдѣній, которыхъ нельзя было бы сообщить слѣпому отъ рожденія посредствомъ хорошаго преподаванія.

Если же слѣпой былъ до восьми, девяти лѣтъ зрячимъ, если у него въ дѣтствѣ развивали умъ, онъ можетъ находиться на томъ же уровнѣ, какъ и зрячій, ибо онъ имѣетъ понятіе и о цвѣтахъ и о перспективѣ, которыхъ недостаетъ слѣпорожденному.

Не совсѣмъ удобно ставить въ примѣръ самого себя; однако когда обстоятельства къ тому вынуждаютъ, всего естественнѣе поговорить о себѣ и я это сдѣлаю.

Я потерялъ зрѣніе девяти лѣтъ отъ роду и утверждаю, что ни одно изъ перечисленныхъ мною знаній не чуждо мнѣ. Прибавлю, что, будучи сыномъ художника, я выросъ въ ма-

стерской пейзажиста и часто присутствовалъ при растираніи красокъ. Тысячу разъ при мнѣ рассуждали о тайнахъ перспективы, и даже, сидя за маленькимъ столикомъ, который еще вижу передъ собою въ уголкѣ отцовской мастерской, я истреблялъ бумагу, по своему накладывая на нее тушевку. Въ первой тетради для школьнаго рисованья Кассанья есть изображеніе жернова, извѣстное конечно весьма многимъ, которое никакъ не хотѣло принять эту форму подъ моимъ неопытнымъ карандашемъ. Однако же, сохрани Богъ, чтобъ я когда нибудь пожалѣлъ о тѣхъ часахъ, которые тамъ просиживалъ: и теперь, когда прошло болѣе двадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я ослѣпъ, съ истиннымъ участіемъ слушаю разговоры о живописи, перспективѣ, достоинствѣ колорита и пр. Каждый годъ стараюсь я узнать изъ рассказовъ и объясненій о лучшихъ портретахъ, жанровыхъ картинахъ, пейзажахъ, начиная съ самыхъ быющихъ на эффектъ и кончая самыми строгими, и внимательно перечитываю отчеты о выставкахъ. Описанія живописнаго мѣстоположенія имѣеть для меня большой интересъ.

Я люблю узнавать, что именно видно съ того мѣста, гдѣ я стою; какой характеръ той мѣстности, гдѣ я гуляю; и вовсе не изъ пустаго любопытства, а потому что я живо представляю

себѣ то, о чемъ мнѣ разсказываютъ. Мнѣ тогда кажется, что я живу болѣе полною умственною жизнью, что я ближе дѣлюсь впечатлѣніями съ другими людьми. Я всегда представляю себѣ форму, размѣры, цвѣтъ предметовъ, о которыхъ мнѣ говорятъ, живо воображаю сцены, которыя мнѣ описываютъ и поэзія Виктора Гюго особенно для меня привлекательна яркостью своихъ образовъ.

Это, кажется, достаточно показываетъ, что всѣ подобныя понятія могутъ быть не чужды слѣпому, потерявшему зрѣніе еще въ раннемъ дѣтствѣ. Въ сущности, слухъ есть чувство болѣе духовное нежели зрѣніе и я вполне сознаю, что, потерявши слухъ, я былъ бы въ тысячу разъ болѣе отчужденъ отъ мыслящихъ людей, чѣмъ потерявши зрѣніе. Теперь я живу такой же дѣятельною умственною жизнью, какъ и всякій другой.

Я не боюсь никого раздражить, сказавъ, что и между слѣпыми не болѣе охотниковъ до метафизики, нежели между зрячими *). Ум-

---

*) Однако есть и между слѣпыми любители философіи и я позволяю себѣ выписать объ этомъ страничку изъ невзданнаго дневника философа Азавса, бесѣдовавшаго съ тремя профессорами института слѣпыхъ въ Парижѣ. Онъ между прочимъ говоритъ: „Чудеснымъ казалось мнѣ, что я былъ

ственная посредственность, эта монотонная безцвѣтная посредственность, которая является удѣломъ большинства людей, вообще составляетъ большинство и между слѣпыми.

Все, что говоритъ воображенію, имѣетъ особенную прелесть для слѣпаго; историческіе рассказы, путешествія и произведенія чисто литературныя вызываютъ гораздо болѣе восторга въ ученикѣ слѣпомъ, нежели въ зрячемъ. Въ нашихъ специальныхъ школахъ курсы исторіи, географіи и литературы проходятся порядочно одаренными учениками съ замѣчательнымъ воодушевленіемъ. Слепые страстно любятъ чтеніе вслухъ и я помню, что мы готовы были даже на шалости, чтобы наши преподаватели, которые должны были читать намъ вслухъ по положенному часу по четвергамъ и воскресеньямъ, не

понять въ самыхъ тонкихъ философскихъ вопросахъ людьми, лишенными чувства зрѣнія, и которые повидимому должны-бы имѣть самое несовершенное понятіе о дѣйствіи свѣта, дѣйствіи, съ которымъ все въ природѣ тѣсно связано... И по справедливости могу сказать, что, среди этихъ разсужденій о предметахъ весьма отвлеченныхъ и обширныхъ, я безпрестанно забывалъ, что разговариваю со слѣпыми,—до того внимательно они слѣдили за малѣйшими подробностями развитія и разъясненія мысли. Никогда я не встрѣчалъ въ зрячихъ такого полнаго умственного удовлетворенія, высказаннаго съ такою живостью и откровенностью⁴.

слышали боя часовъ *). Особливо когда мы читали описаніе итальянской и французской компаній Тьера, когда мы прочитывали «Освобожденный Іерусалимъ» или трагедіи «Цинна» и «Британникъ», можно было слышать, какъ пролетятъ муха, до того мы были всѣ наэлектризованы, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ тупицъ, безмятежно почивавшихъ.

Преподаватель, умѣющій хорошо читать, и любящій это дѣло можетъ совершенно овладѣть слѣпыми учениками; у него въ рукахъ могущественное орудіе воспитанія и направленія.

---

*) Въ книгѣ „Парижъ, его учрежденія и жизнь“ (M. Maxime du Camp) авторъ высказалъ уже, до чего слѣпые любятъ чтеніе. Онъ возвращается къ этому важному вопросу въ своей превосходной книгѣ „О частной благотворительности въ Парижѣ“ по поводу типографіи слѣпыхъ сестеръ заведенія Св. Павла. Онъ сильно настаиваетъ на необходимости доставлять слѣпымъ книги для чтенія, а убѣдительное и авторитетное слово знаменитаго профессора не мало способствовало основанію бібліотеки Брайля. Эта бібліотека доставляетъ слѣпымъ во Франціи и за границей незатѣяныя книги и рукописи рельефными буквами. Интеллигентныя и усердныя лица (особливо женщины), число которыхъ ежедневно увеличивается, научились писать для слѣпыхъ и переписываютъ имъ цѣлыя книги различнаго содержанія. Кромѣ того, для слѣпыхъ печатается ежемѣсячный журналъ и издается обзорѣніе, выходящее каждыя десять дней, гдѣ сообщается все, что можетъ быть для нихъ интереснымъ. Дирекція бібліотеки и журнала находится въ Парижѣ, (14, avenue de Villars).

Поэзія имѣетъ особенную прелесть для слѣпыхъ: болѣе двухъ третей переписанныхъ ими книжекъ для спеціальной ихъ библіотеки—составляютъ сборники стиховъ; еще большее счастье, когда страсть эта ограничивается только чтеніемъ или заучиваньемъ наизусть чужихъ хорошихъ стиховъ; но бѣда—когда они стараются удовлетворить этой страсти собственными стихотворными опытами.

И я говорю это вовсе не потому, что хотѣлъ бы бросить камнемъ во всякаго пишущаго стихи; но мнѣ кажется, что позволительно писать въ стихахъ только тогда, когда обладаешь истиннымъ поэтическимъ талантомъ; на прозу же можно смотрѣть гораздо снисходительнѣе.

Впрочемъ, я вѣрю, что и слѣпой можетъ быть поэтомъ и даже великимъ поэтомъ, хотя многіе это оспариваютъ, говоря: «поэзія слѣпаго не можетъ быть истинной поэзіей, такъ какъ онъ лишенъ зрѣлища природы, одного изъ сильнѣйшихъ источниковъ поэтического вдохновенія». Но развѣ не остается ему доступнымъ весь міръ нравственный? Это необъятное поприще достойно изученія и въ него—нельзя довольно углубляться.

Наконецъ, если въ самой природѣ поэзія существуетъ во всемъ, что мы видимъ, то развѣ

нельзя найти ее и въ томъ, что подлежитъ осязанію, обонянію и слуху? Развѣ не существуетъ проникающая насъ до глубины души поэзія звуковъ, ароматовъ, этихъ, такъ сказать, магнетическихъ вліяній, производимыхъ на насъ природой въ иные дни и часы, когда намъ случается быть въ полѣ или въ лѣсу, на горѣ ли, на берегу ли моря, или шумящаго ручья? И всѣ эти впечатлѣнія такъ безотчетно обхватываютъ наше существо, что, сами, не зная какъ и почему, мы готовы въ прозѣ, стихахъ или въ музыкальныхъ звукахъ излить пѣснью восторга, любви и благодарности, а иногда и грусти, то поэтическое чувство, которое не можетъ не быть истинною поэзіею.

Конечно, еслибъ слѣпой принялся описывать намъ закатъ солнца или какой нибудь красивый ландшафтъ въ прозѣ или стихахъ, это было бы смѣшно. Но по нѣкоторымъ поэтическимъ картинамъ, выраженнымъ напр. у Ламартина, можно убѣдиться, что въ природѣ есть стороны, доступныя наслажденію и для слѣпаго, и въ нихъ есть своя поэзія и самая трогательная. Эта поэтическая жилка была до сихъ поръ мало разработана, она однако имѣетъ свою высокую цѣну, и никто не можетъ такъ понимать ее, какъ слѣпой.

Отъ поэзіи къ музыкѣ—этой поэзіи звуковъ—одинъ только шагъ. Если между слѣпыми встрѣчаются нелюбящіе музыку, то только въ видѣ исключенія. Ихъ ухо, всегда внимательное къ малѣйшему звуку, къ малѣйшему шуму, всего болѣе способно схватывать соотношеніе этихъ звуковъ, и по рѣзкости и продолжительности ихъ различаетъ и интонацію и размѣръ ихъ. Значить, есть все, что составляетъ музыкальную способность. Когда же рѣчь идетъ о композиціи и собственномъ исполненіи, то конечно являются и другія требованія, о которыхъ мы поговоримъ позже.

Разсказываютъ, что Ламоттъ Гударъ (ослѣпнувшій) сказалъ разъ молодому поэту, прочитавшему ему одну изъ своихъ трагедій: «Ваша пьеса прекрасна и смѣю вамъ обѣщать успѣхъ. Одно только меня огорчаетъ, что вы себѣ позволили плагиатъ.—Да, и чтобъ доказать вамъ, на сколько я въ этомъ увѣренъ, я скажу вамъ наизусть вторую сцену вашего четвертаго акта, которую я давно какъ-то выучилъ наизусть». Ламоттъ произноситъ всю сцену, не измѣнивъ ни слова. Присутствующіе переглядываются, не знаютъ что подумать; бѣдный авторъ совершенно растерянъ. Позабавившись нѣсколько смущеніемъ юнаго трагика, памятливый поэтъ сказалъ:

«Успокойтесь, молодой человекъ; сцена, которую я сказалъ наизусть, вполне ваша; но она заслуживаетъ того, чтобъ всякій любитель выучилъ и запомнилъ ее: я такъ и сдѣлалъ, слушая ваше чтеніе». Конечно это было большое усиліе памяти со стороны г. Ламотта и былъ ли онъ обязанъ только слѣпотѣ такимъ необыкновеннымъ развитіемъ этой способности? Я сомнѣваюсь въ этомъ. Ему надо было такое же специальное упражненіе въ этомъ, какое привело Плинія старшаго къ умѣнью запоминать сряду нѣсколько сотъ чиселъ, не имѣвшихъ между собою ни малѣйшей связи, и прочитанныхъ ему одинъ или два раза.

Вѣрно однако то, что необходимость, заставляя слѣпаго запоминать многое, упражняетъ и развиваетъ въ немъ эту способность, самую для него важную.

Мнѣ однако кажется, что между слѣпыми учениками настоящаго поколѣнія не является болѣе такихъ чудесъ памяти, каковы вышеописанныя. Я зналъ одного стараго, слѣпаго преподавателя музыки, удержавшаго въ памяти цѣлыя сотни музыкальныхъ пьесъ разнаго рода. Другая—слѣпая женщина знала наизусть нѣсколько классическихъ трагедій и при первомъ чтеніи запоминала самые сложные отрывки и

величайшую путаницу отношеній изъ политической исторіи и дипломатіи.

Но это было въ такое время, когда слѣпыхъ не обучали письму, или очень мало; въ преподаваніи ихъ устные методы преобладали надъ письменными и, безъ сомнѣнія, недостатокъ книгъ и необходимость для преподавателя самому все знать, а для ученика—все усвоивать себѣ изъ устъ учителя, котораго нельзя было спрятать въ поупитръ какъ книгу, — все это заставляло обоихъ сильно напрягать память, чего они нынче не дѣлаютъ. Но, не смотря на это, слѣпому все-таки приходится болѣе изощрять память, чѣмъ зрячему, и онъ по большей части успѣваетъ въ этомъ.

ГЛАВА III.

Нравственность.

Нравственная сторона слѣпаго не легко поддается изображенію. Причина тому очень проста. Точно такъ, какъ нельзя сдѣлать вѣрнаго опредѣленія всякой другой категоріи людей по одному общему имъ физическому свойству (близорукости, дальновидности), или по другимъ внѣшнимъ признакамъ (занятію, ремеслу), такъ и слѣпой не является какою то отвлеченностью, какимъ то особеннымъ существомъ, вылитымъ въ извѣстную форму, дающую точное понятіе обо всѣхъ остальныхъ слѣпыхъ, вышедшихъ изъ той же формы.

Конечно, мнѣ всего легче было бы сказать: «Вы вѣрно читали или, можетъ быть, слышали, какъ кто нибудь набрасывалъ портретъ слѣпаго; но я вамъ скажу, что портретъ этотъ не похожъ; сотремъ его и я вамъ сдѣлаю набросокъ вполне вѣрный». Вы, можетъ быть, и повѣрили бы мнѣ; но я поступилъ бы недобросовѣстно,

и дѣйствія намъ непонятны. Предметъ изслѣдованія въ этомъ случаѣ не въ состояніи помочь изслѣдователю, и поэтому все зависитъ отъ проницательности, отъ силы мышленія и вывода этого послѣдняго. Онѣ и играютъ тутъ главную роль. Приставивъ глазъ къ стеклу микроскопа, или наклонивъ голову надъ отверстіями муравейника, наблюдатель цѣлые часы слѣдитъ за всѣми движеніями, ходами и выходами, все записываетъ, потомъ дѣлаетъ свое заключеніе о причинахъ и цѣли ихъ. Прекрасно; но такимъ образомъ можно придти къ истинѣ, болѣе или менѣе перемѣшанной съ заблужденіемъ. Но что дѣлать? Другого способа изслѣдованія нѣтъ.

Когда же рѣчь идетъ объ изученіи людей зрячихъ или слѣпыхъ, все равно, можно, кажется, взяться за это нѣсколько иначе. Вѣдъ тутъ мы имѣемъ дѣло съ существомъ разумнымъ и это не слѣдуетъ забывать. Конечно очень хорошо наблюдать его со стороны, втихомолку и безъ его вѣдома, чтобы подмѣтить его дѣйствія во всей ихъ непосредственности; но эти наблюденія можно считать только приготовленіемъ или повѣркою настоящихъ серьезныхъ наблюденій. Послѣднія должны быть производимы не безъ дѣятельнаго нравственнаго

участія того лица, которое мы хотимъ узнать. Для этого надо подолгу пожить съ нимъ его жизнію, спрашивая его, дружески съ нимъ бесѣдовать, чтобъ узнать, каковъ онъ въ дѣйствительности, не ограничиваясь одною поверхностью. Эти изученія надо обращать не на одно лицо, а на многихъ. Тогда только можно сказать, что мы на опытѣ узнали свой предметъ и что между слѣпыми, напримѣръ, существуютъ самые разнообразныя отѣнки характеровъ.

Если вы когда нибудь читали хоть нѣсколько строкъ о слѣпыхъ, вамъ вѣрно попадались такія сужденія: «слѣпые эгоистичны, горды, себялюбивы». Или: «слѣпые имѣютъ склонность къ веселости, къ грусти и пр.» Я энергически опровергаю эти сужденія, не потому только, что они не особенно лестны для моихъ героевъ, но потому что настолько же разумно было бы сказать: слѣпые обыкновенно велики или малы ростомъ, блѣлокуры или брюнеты, богаты или бѣдны. Я положительно отвергаю такія обобщенія. Можно сказать, что между слѣпыми есть эгоисты, гордые, себялюбивые, и я самъ охотно прибавилъ бы къ этому цѣлый рядъ эпитетовъ, столь же мало лестныхъ для тѣхъ, къ кому они прилагаются. Но важно при этомъ рѣшить: слѣ-

пые, у которыхъ встрѣчаются эти лестныя свойства, приобрѣли ли они ихъ вслѣдствіе слѣпоты и могли ли иначе не имѣть ихъ? Однимъ словомъ, слѣпота ли неизбѣжно ведетъ за собою гордость, эгоизмъ, себялюбіе, неблагодарность — вотъ вопросъ? Я отвѣчаю «нѣтъ» и вотъ на чемъ я это основываю. Многіе изъ слѣпыхъ дѣтей, какъ обиженные природой, получаютъ въ своихъ семьяхъ, можетъ быть и нѣжныхъ, но мало просвѣщенныхъ, самое плачевное воспитаніе. И такъ будемъ искать здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ прирожденныхъ свойствахъ (слѣпаго, равно какъ и зрячаго), причины недостатковъ, о которыхъ мы говорили.

Въ самомъ дѣлѣ, рѣдко слѣпое дитя получаетъ въ семьѣ своей, — будь она бѣдна или богата, — хорошее воспитаніе. Часто оно остается въ пренебреженіи, лежитъ въ какомъ нибудь углу и страдаетъ то матеріально, то нравственно, а иногда и то и другое вмѣстѣ. Въ другихъ семьяхъ, напротивъ, его балуютъ, ласкаютъ, всѣ члены семьи стараются угодить ему, исполнять его малѣйшія прихоти, извиняютъ ему величайшія глупости, все же, что онъ сдѣлаетъ своснаго, — превозносятъ. Подобное воспитаніе, данное ребенку съ наилучшимъ зрѣніемъ, не произведетъ ли тѣ же результаты? И такъ не-

чего говорить, что слѣпота производитъ гордость, себялюбіе, и проч., а надо, напротивъ, сказать, что слѣпота не есть талисманъ противъ этихъ и другихъ недостатковъ человѣчества.

Правда, что заниматься людьми, не имѣющими въ себѣ ничего чудеснаго — задача весьма неблагодарная. Все необыкновенное въ хорошую или въ дурную сторону легко привлекаетъ наше любопытство. Къ писателю относятся снисходительно, когда онъ можетъ сказать: «Лица, о которыхъ я стану говорить — необыкновенны». Иначе, въ самомъ дѣлѣ, стоитъ-ли говорить о нихъ, а тѣмъ болѣе писать.

Есть у слѣпыхъ и качества, имъ, болѣе чѣмъ другимъ, свойственныя. Напримѣръ, они любятъ порядокъ, по крайней мѣрѣ въ мебели, въ крупныхъ предметахъ, ихъ окружающихъ. Но въ мелочахъ, хотя я знаю и весьма аккуратныхъ слѣпыхъ, мнѣ попадались и такіе безпорядочные, которые не уступятъ самому неряшливому зрячему. А порядокъ обязателенъ для слѣпаго на каждомъ шагу, въ каждую минуту его жизни. Такъ какъ онъ не можетъ издали видѣть гдѣ лежитъ нужная книга, инструментъ и проч., не видитъ какъ избѣгнуть опасности, наткнуться на мебель, стулъ или какое нибудь препятствіе, поставленное поперекъ

дороги, то изъ этого слѣдуетъ, что любовь къ порядку должна быть ему присуща.

Домъ, всегда безпорядочный, никому не пріятенъ; особенно же не пріятенъ онъ слѣпому, для котораго перемѣна мѣста сдѣлается затруднительною и небезопасною, если тяжелая мебель безпрестанно будетъ переставливаться.

Дидеро въ своемъ знаменитомъ «письмѣ о слѣпыхъ для зрячихъ» говоритъ, что его слѣпой (единственный, котораго онъ наблюдалъ и на которомъ основалъ всѣ свои сужденія) работалъ по ночамъ, потому что ему не мѣшали, а жена его по утрамъ находила все на своемъ мѣстѣ. По моему это доказываетъ только двѣ вещи: 1) что этотъ слѣпой былъ большой оригиналъ, съ которымъ я не желалъ бы жить вмѣстѣ; 2) что жена его была женщина тяжелаго характера, если — этотъ несчастный слѣпецъ (продавецъ ликеровъ) не могъ иначе заготавливать ихъ, какъ только по ночамъ.

Слѣпота располагаетъ къ наблюдательности. Тотъ, кто не видитъ и желаетъ извлечь пользу изъ остальныхъ своихъ способностей, долженъ много размышлять и отдавать себѣ отчетъ во всѣхъ своихъ впечатлѣніяхъ. Эта необходимость размышлять приводитъ нѣкоторыхъ слѣпыхъ къ самой глубокой внутренней жизни, при чемъ,

конечно, выигрываетъ серьезность; но за то часто развивается сосредоточенность.

Вообще принято думать, что слѣпой веселъ, а глухой печаленъ. Но для тѣхъ, кто хорошо знаетъ слѣпыхъ, явно, что эта веселость, замѣчаемая многими, болѣе субъективная, чѣмъ объективная; я объясню это. Когда собираешься посѣтить слѣпаго или слѣпыхъ, то готовишься, неправда-ли, увидѣть людей мрачныхъ, жалкихъ, оплакивающихъ непрерывно въ слезливыхъ элегіяхъ несчастье быть лишенными лицезрѣнія лазурнаго небосвода, солнца, луны, звѣздъ и всѣхъ другихъ предметовъ, принадлежащихъ къ классическому описанію природы. Поэтому готовятъ цѣлый запасъ состраданія и утѣшеній: и вдругъ находятъ совсѣмъ не то. Передъ вами дитя или человѣкъ, какъ и всѣ другіе, охотно говорящій съ вами обо всемъ, кромѣ своей слѣпоты, о которой онъ вспоминаетъ только иногда, напримѣръ, если вдругъ уронить предметъ, способный катиться, и который ему долго приходится искать.

Слѣпой скульпторъ Видалъ *) утверждаетъ, что

---

*) Людовикъ Видалъ, ученикъ Рульера и де-Бари, ослѣпъ на 22-мъ году. Не теряя мужества, онъ продолжалъ работать, не смотря на свою слѣпоту и сдѣлался однимъ изъ первыхъ скульпторовъ, изображавшихъ животныхъ въ Парижѣ.

зрѣніе нужнѣ всего для того, чтобъ на улицѣ не наткаться на тачки. Такое расположеніе духа должно казаться удивительнымъ, и преувеличенное состраданіе, которымъ запасся наблюдатель, не находя примѣненія, заставляеть его придти къ заключенію, что слѣпые — веселы. Часто также веселость слѣпаго противоплагають грустному расположенію глухого. И здѣсь играетъ роль все то же личное впечатлѣніе. Въ первую минуту и съ перваго взгляда глухонѣмой кажется гораздо пріятнѣе слѣпаго; посѣтитель, очутившійся въ первый разъ въ школѣ глухонѣмыхъ и въ школѣ слѣпыхъ, почувствуетъ себя какъ то свободнѣе у первыхъ. Ребенокъ глухонѣмой похожъ физически на всѣхъ дѣтей; вы подойдете къ нему безъ предубѣжденія, потому что наружность его не указываетъ вамъ на его немощь, тогда какъ слѣпота рѣдко не бываетъ замѣтна уже издали; почти всегда закрытые вѣки слѣпаго или его изуродованные глаза производятъ на васъ тяжелое впечатлѣніе; но побѣдивъ это первое чувство, чѣмъ бо-

---

Онъ часто выставялъ въ Салонѣ и нѣсколько разъ былъ награждаемъ медалями. Кошіи съ его главныхъ произведеній были отлиты изъ бронзы. Иллюстрированный каталогъ ихъ можно найти въ книжной лавкѣ Муво (A. Mouveau 103 rue de Vaugirard).

лѣе вы знакомитесь со слѣпымъ, тѣмъ пріятнѣе вамъ будетъ въ его обществѣ, какъ будто всякая преграда между вами вдругъ исчезла, и если этотъ слѣпой или слѣпая люди умные, то вы совсѣмъ забудете объ ихъ недостаткѣ. Что же касается до глухонѣмаго, то впечатлѣнія ваши будутъ совершенно противоположны. Чѣмъ болѣе вы будете оставаться съ нимъ, тѣмъ болѣе недостатокъ его будетъ тяготить васъ. Если несносно бесѣдовать съ человѣкомъ, который слишкомъ много говоритъ, то тѣмъ тяжелѣе объясняться съ неговорящимъ вовсе, или даже съ такимъ, который только не слышитъ и заставляетъ васъ повторять каждое слово по нѣсколько разъ, понимая все наизусть. Изъ этого сопоставленія и вытекаетъ безсознательно мнѣніе, что слѣпые вообще отличаются веселостью.

Правда же заключается въ томъ, что слѣпота никакъ не уравниваетъ людей по отношенію къ ихъ свойствамъ. Живя со слѣпыми, можно встрѣтить образчики всевозможныхъ характеровъ, начиная съ самыхъ меланхолическихъ, самыхъ серьезныхъ, и кончая самыми веселыми и безпечными. Я знаю множество слѣпыхъ, и молодыхъ и старыхъ, и умственно одаренныхъ и весьма посредственныхъ по способностямъ: я

встрѣчалъ въ нихъ всего по немножку. Есть натуры пріятныя, тонкія, прелестныя, такія, которыхъ нельзя не полюбить сразу, какъ скоро ихъ узнаешь; встрѣчалъ я и характеры сварливые, взыскательные, несносные. Есть между ними кроткіе и вспыльчивые, есть скромные, полные достоинствъ и никогда о себѣ не говорящіе. Есть и весьма пошлые и однакоже пропитанные самомнѣніемъ. Есть такіе, которыхъ всѣ любятъ и которые со всѣми пріветливы; есть такіе, которые никому не нравятся, а сами находятъ всѣхъ непріятными. Однимъ словомъ, въ заключеніе скажу, что надо выбирать между слѣпыми какъ и между зрячими, ни болѣе, ни менѣе, и я надѣюсь, что видя мое безпристрастіе въ признаніи, что герои мои по природѣ своей подобны всѣмъ другимъ людямъ, мнѣ повѣрятъ также, когда я скажу, что они не хуже другихъ.

Затѣмъ удалось ли мнѣ дать вѣрное понятіе о физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ свойствахъ слѣпыхъ? Могу ли я быть увѣренъ, что если завтра одинъ изъ моихъ читателей увидитъ вошедшаго къ нему, хорошо воспитаннаго слѣпаго, то онъ не встрѣтитъ его съ предубѣжденіемъ, какъ существо во всѣхъ отношеніяхъ странное, непременно неловкое, необтесанное,

стѣснительное и тягостное для другихъ, существо угрюмое, не разсуждающее, не чувствующее, не говорящее какъ всѣ другіе. Могу ли я надѣяться, что его не станутъ считать существомъ, живущимъ совершенно особенною физическою, умственною и нравственною жизнію, существомъ, способнымъ внушать только любопытство и состраданіе, которому надо все давать, ничего отъ него взамѣнъ не получая ни полезнаго, ни пріятнаго, и умѣющаго развѣ только благодарить и то если онъ въ состояніи чувствовать благодарность.

И такъ, если мнѣ удалось возстановить истинную фізіономію слѣпаго, то вы вѣрно не откажетесь послѣдовать за мною безъ предубѣжденія въ спеціальную школу для слѣпыхъ: увидѣвъ, каковы слѣпые, которыхъ обучаютъ, мы могли бы послѣ того заняться и тѣмъ, какъ ихъ обучаютъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ШКОЛЫ СЛѢПЫХЪ.

ГЛАВА I.

Вѣшность.

~~~~~

Посѣтитель въ первый разъ входитъ въ школу слѣпыхъ со стѣсненнымъ сердцемъ, съ невольнымъ любопытствомъ и нѣкоторымъ предубѣжденіемъ. Онъ ожидаетъ увидѣть домъ печальный, сумрачный и молчаливый, — что-то таинственное и вмѣстѣ унылое. Вѣдь школа для слѣпыхъ должна быть темна, такъ какъ питомцамъ свѣтъ не надобенъ; нѣсколько небольшихъ оконныхъ отверстій, чтобъ давать воздухъ — вотъ все что требуется; зачѣмъ имъ настоящія окна, съ настоящими стеклами, сквозь которыя свѣтитъ настоящее солнце: вѣдь они его не видятъ? Это заведеніе должно быть печальное; и какъ въ самомъ дѣлѣ смѣяться и даже улыбаться, когда живешь съ такими несчастными дѣтьми?

Поэтому, переступая порогъ, какъ-то невольно начинаешь говорить въ полголоса, какъ когда вступаешь въ жилище смерти, на кладбище, или хотя бы въ сарай съ похоронными

принадлежностями. Ожидаешь встрѣтить въ корридорахъ тѣни учениковъ, тихо и безмолвно пробирающихся вдоль стѣнъ, ощупью отыскивая дорогу.

Но это въ дѣйствительности вовсе не такъ. Школа для слѣпыхъ всегда бываетъ, напротивъ, очень свѣтлая, очень оживленная, очень веселая, иногда даже очень шумная, и это пояснить послѣдующій рассказъ.

Вотъ еще мѣстная подробность, указывающая какое понятіе публика составляетъ себѣ о школѣ слѣпыхъ. Она воображаетъ, что, въ виду тѣхъ мелочныхъ заботъ, которыя ежеминутно необходимы слѣпому, чтобы вставать, ложиться, одѣваться, принимать пищу, переноситься изъ одного мѣста въ другое, спеціальныя школы для слѣпыхъ должны брать непомерную плату за содержаніе своихъ питомцевъ. Не разъ таинственно спрашивали меня, еще когда я былъ воспитанникомъ, какъ велика можетъ быть плата въ институтѣ слѣпыхъ въ Парижѣ. Полагали, что я произнесу такую огромную цифру, которая оставить далеко за собою счеты, подаваемые въ школахъ для зрячихъ, къ великому изумленію новичковъ родителей.

За то, когда я говорилъ, что плата въ институтѣ слѣпыхъ всего 1,200 франковъ въ годъ,

считая тутъ рѣшительно все: пищу, одежду, бѣлье, починку ихъ, школьныя пособія всякаго рода, уходъ въ лазаретъ въ случаѣ болѣзни и даже чуть ли не погребеніе въ случаѣ смерти, — это изумляло многихъ.

Но конечно я не забывалъ прибавлять, что бумажная ткань нашего бѣлья, сукно нашего форменнаго платья были не самаго утонченнаго сорта и вообще одежда и будничная и праздничная, всегда очень чистая, была весьма проста. Я прибавлялъ также, что наши меню, всегда красиво росписанные на картѣ нашимъ экономомъ, образцомъ въ своемъ родѣ, — конечно не походили на меню знаменитыхъ ресторановъ, и что пища — всегда здоровая, въ чемъ насъ настоятельно увѣряли — была не слишкомъ обильна; это мы, конечно, могли чувствовать на самихъ себѣ.

Но всѣ мои рассказы едва ли могли быть вполне убѣдительны и я въ заключеніе всегда повторялъ одно и тоже: «Я вижу, что вы все таки не составляете себѣ точнаго понятія о школѣ для слѣпыхъ и всего лучше просвѣтило бы васъ въ этомъ посѣщеніе одной изъ нихъ».

И такъ, приходите въ институтъ, не въ пріемную повидаться со мною на какія нибудь десять минутъ, что вамъ конечно было бы скучно.

Приходите въ среду въ 1 часъ или въ половинѣ 2-го или въ 4, спросите директора или его секретаря и васъ охотно снабдятъ красною карточкою съ вашимъ именемъ. Съ этимъ талисманомъ вы можете провести два часа въ институтѣ; привѣтливые его представители все вамъ покажутъ. Вы увидите тогда, что слѣпые не нуждаются въ особомъ уходѣ, а только въ специальномъ обученіи. Вы увидите, что мы ходимъ по всей школѣ свободно и скоро, что мы вовсе не нуждаемся, чтобы кто нибудь безпрестанно слѣдовалъ за нами и направлялъ насъ, что надзиратели чаще всего заняты тѣмъ, чтобъ наказывать крикуновъ и драчуновъ, такъ какъ слѣпые воспитанники шумятъ и дерутся какъ и всѣ школьники въ мірѣ. То, что я говорилъ тогда, я повторяю и теперь, прося тѣхъ, кто имѣлъ терпѣніе читать мою книгу, чтобъ они сдѣлали еще одно усиліе: посѣтили бы самую ближайшую отъ нихъ школу слѣпыхъ. Тѣмъ лучше, если это будетъ школа на Парижскомъ бульварѣ Инвалидовъ, потому что она всего лучше обставлена и вполне благоустроена.

Школы слѣпыхъ по большей части ремесленные школы, то есть вмѣстѣ съ физическимъ, умственнымъ и нравственнымъ воспитаніемъ, онѣ стараются дать слѣпому средства заработать

себѣ хлѣбъ, давая ему хорошее профессиональное образованіе. Оттого въ каждой хорошо поставленной школѣ слѣпыхъ—четыре различные стороны обученія и воспитанія: физическое, нравственное, умственное и профессиональное.

ГЛАВА II.

Физическое воспитаніе. Нравственное воспитаніе.

Болѣе чѣмъ всякій другой, слѣпой ребенокъ въ годы воспитанія нуждается въ солнцѣ, воздухѣ и движеніи. Слишкомъ часто его маленькое тѣло было ослаблено болѣзнію, причинившею ему слѣпоту или явившеюся ея послѣдствіемъ, а еще чаще того излишнимъ попеченіемъ любящихъ, но неразумныхъ родителей, или невольной небрежностью семьи, поглощенной пощеннымъ заработкомъ для пропитанія себя. Во всякомъ случаѣ слѣпой ребенокъ долженъ въ школѣ наверстать потерянное время для развитія физическихъ и умственныхъ своихъ способностей. Надо чтобъ грудь его расширилась, чтобы пріобрѣли крѣпость и гибкость его слабые члены, онѣмѣвшіе въ бездѣйствіи и вытянувшіеся только въ длину, какъ растенія лишенные свѣта.

Еще болѣе чѣмъ школа для зрячихъ, хорошо устроенная школа для слѣпыхъ должна быть поставлена такъ, чтобъ въ ней было обиліе воз-

духа и солнца; ей еще нужнѣе обширный дворъ или садъ, большія крытыя площадки для свободного времени, много высокихъ и широкихъ оконъ, которыя въ нѣсколько секундъ могли бы наполнить классы, спальни и всѣ помѣщенія воспитанниковъ массой кислорода. Въ этомъ отношеніи нечего скупиться и никакая роскошь не будетъ лишнею.

Гимнастика для слѣпыхъ совершенно тоже, что и для зрячихъ. Само собою разумѣется, что нѣтъ надобности образовывать изъ нихъ записныхъ гимнастовъ и учить ихъ волтижерству на трапеціяхъ; достаточно ограничиться упражненіями, укрѣпляющими здоровье: обыкновенными движеніями рукъ, ногъ и туловища на параллельныхъ брусьяхъ, на горизонтальныхъ лѣстницахъ, на которыхъ вѣшаются на рукахъ. Очень полезны лѣстницы для расширенія груди и выпрямленія спиннаго хребта.

Такъ какъ слѣпые не могутъ перенимать движеній учителя; и послѣдній долженъ ихъ показывать каждому отдѣльно, то естественно, что ему надо поручать меньшее количество учениковъ вдругъ, нежели это дѣлается со зрячими. Присмотръ за ними долженъ быть сообразно съ этимъ внимательнѣе, особливо при движеніяхъ, представляющихъ нѣкоторую опасность.

На нравственномъ воспитаніи въ школахъ слѣпыхъ я останавлиюсь еще менѣе чѣмъ на физическомъ, потому что каждому и безъ того ясно, что оно должно быть такъ же серьезно, такъ же глубоко, однимъ словомъ такъ же религиозно въ школахъ для слѣпыхъ, какъ и для зрячихъ; эта сторона воспитанія передается совершенно одинаково тому кто видитъ и тому кто лишенъ зрѣнія. Какъ не существуетъ нѣсколькихъ нравственностей, точно также нѣтъ и различныхъ способовъ заставить ее любить и примѣнять къ жизни. Для этого нужны только воспитатели съ призваніемъ и, слава Богу, до сихъ поръ у слѣпыхъ не было въ нихъ недостатка.

Затѣмъ я поспѣшу перейти къ умственному и профессиональному образованію, на которыхъ мы должны остановиться подольше.

ГЛАВА III.

Умственное образованіе.

Въ 1826 году внимательный наблюдатель, при посѣщеніи королевскаго заведенія для слѣпыхъ дѣтей въ Парижѣ, устроеннаго тогда въ старыхъ и мрачныхъ зданіяхъ древней семинаріи (St. Firmin 68 rue St. Victor), замѣтилъ бы между воспитанниками, скученными въ этомъ тѣсномъ помѣщеніи, юношу лѣтъ семнадцати, котораго умная и симпатичная фізіономія носила печать преждевременной и серьезной думы. Этотъ молодой слѣпецъ былъ Людовикъ Брайль; его острый и проникательный умъ былъ озабоченъ задачею изобрѣтенія для слѣпыхъ такой системы чтенія и письма, которая служила бы важнымъ пособіемъ при ихъ умственномъ и профессиональномъ обученіи.

Даже ранѣе Гаю слѣпые, которые читали или пробовали читать, употребляли, разумѣется, для этого пальцы; обыкновенно при этомъ служить указательный палецъ правой руки; часто къ нему присоединяютъ и лѣвый указательный

палецъ, повѣряющій чтеца, и который ранѣ конца строки переходитъ на слѣдующую строку, чтобъ избѣгнуть задержки при перемѣщеніи праваго читающаго пальца съ одной строки на другую.

Гаю первый возымѣлъ мысль воспроизвести рельефно на толстой бумагѣ римскія буквы достаточно крупно, чтобъ ихъ можно было ощупывать. Послѣ него видоизмѣняли и форму и размѣры этихъ буквъ, сохраняя ихъ обычный типъ. Слепые конечно могли читать по нимъ; но сами начертать эту азбуку зрячихъ могли съ трудомъ и неувѣренно, такъ что въ учебной практикѣ письменныя работы продолжали состояться изъ подвижныхъ буквъ въ самомъ первобытномъ видѣ.

Такъ стояло дѣло до 1819 года, когда талантливый Шарль Барбье, артиллерійскій офицеръ, придумалъ составить изъ точекъ, сдѣланныхъ рельефно на твердой бумагѣ, съ помощью тупаго шильца, 36 знаковъ, представляющихъ главные звуки французской рѣчи. Барбье назвалъ свою систему письма — ночью (*écriture nocturne*) и посвятилъ ее слѣпымъ и тѣмъ, кто до зрѣлаго возраста не научился писать. Это была звуковая система, оказавшая услуги, но она не была въ состояніи удовлетворить всѣмъ потребностямъ

образованныхъ слѣпыхъ, каковъ былъ Брайль и нѣкоторые изъ его товарищей.

Въ ночной системѣ письма была плодотворная мысль и Брайль воспользовался ею: это былъ выборъ точки вмѣсто линіи, какъ основанія выпуклой азбуки. Линія въ самомъ дѣлѣ вполнѣ доступна глазу, но не пальцу, для котораго она легко теряется, когда обрисовываетъ мелкіе контуры. Точка напротивъ всегда ясно ощутительна, даже когда она не велика и близко поставлена къ другимъ точкамъ. Но надо было придумать способъ употребленія этихъ точекъ, взять достаточное количество ихъ, чтобъ составить разнообразныя соединенія, удовлетворяющія всѣмъ требованіямъ французской ореографии. Однако это количество должно было быть ограничено, чтобъ не плодить слишкомъ много знаковъ. Брайль остановился на 6-ти точкахъ по двумъ вертикальнымъ линіямъ въ слѣдующемъ видѣ (⠠).

Эти шесть точекъ могутъ образовать 63 перестановки, означающія всѣ азбучные знаки: буквы, знаки препинанія и другіе, всѣ цифры, алгебраическіе знаки, музыкальные и стенографическіе. Однимъ словомъ, система Брайля равно служить и для чтенія и для письма не только словъ, но и нотъ, цифръ и стенографическихъ

знаковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, молодой изобрѣтатель придумалъ и снарядъ — образецъ практической простоты; — съ помощью коего слѣпой составляетъ свои знаки изъ точекъ съ такою же быстротою и вѣрностью, съ которою зрячій начертываетъ свои буквы изъ линій.

Этотъ снарядъ состоитъ изъ цинковой дощечки для письма (in 8°), вставленной въ деревянную рамку и розлинованной горизонтальными бороздками.

На эту розлинованную дощечку накладывается листъ толстой бумаги въ родѣ рисовальной, который прикрѣпляется къ рамкѣ шпильками.

Такая дощечка вмѣстѣ съ шильцемъ для выдавливанія точекъ вполне соответствуютъ потребности слѣпца, и онъ дѣйствуетъ ими съ такою быстротою, какой невозможно было достигнуть при всѣхъ другихъ системахъ; кромѣ того, точки рукописи такъ же легко разобрать какъ и печатныя.

Я боюсь, не слишкомъ ли я распространился, говоря о Брайлѣ и его изобрѣтеніи; но мнѣ извинять это въ виду великой важности этой системы и капитальной роли, которую она играетъ въ обученіи и жизни слѣпыхъ.

Надо замѣтить, что слѣпые дѣти выучиваются читать и особливо писать гораздо скорѣе

и легче чѣмъ зрячіе, — особенность, которую можно приписать только логической простотѣ системы Брайля. Послѣ этого первоначальнаго обученія слѣпой ученикъ переходитъ къ грамматикѣ, литературѣ, исторіи и проч. Весь день онъ вооруженъ своимъ шиломъ, которымъ и работаетъ и играетъ, какъ зрячій своимъ перомъ.

Обученіе географіи и математикѣ требуетъ, для полнаго успѣха, нѣкоторыхъ специальныхъ приборовъ, довольно интересныхъ. Для ариметики, независимо отъ дощечки Брайля, на которой можно дѣлать всѣ вычисленія, существуетъ еще нѣсколько приспособленій, которыя долго было бы описывать.

Слѣпые также очень способны считать въ умѣ: этотъ родъ счетоводства для нихъ полезенъ чѣмъ кому либо, и они часто достигаютъ въ немъ замѣчательной быстроты.

Для преподаванія геометріи употребляютъ коллекцію рельефныхъ фигуръ, довольно большихъ размѣровъ, составленныхъ изъ сплошныхъ, выпуклыхъ линій и линій изъ точекъ. Буквы, необходимыя для объясненія, поставлены тамъ, гдѣ имъ слѣдуетъ быть и для зрячихъ, только это знаки Брайля. Всякій ученикъ снабженъ тетрадью съ такими фигурами и соответствующими геометрическому указанію

номерами и въ классѣ онъ держитъ подъ рукою ту фигуру, которую учитель объясняетъ или заставляетъ объяснять: оттого преподаваніе идетъ легко, ясно и быстро. Есть также коллекціи твердыхъ тѣлъ изъ дерева, также различныхъ мѣръ метрической системы; но въ этихъ коллекціяхъ нѣтъ ничего особеннаго для слѣпыхъ: онѣ такія же, какъ и для зрячихъ. Только при объясненіяхъ учитель, конечно, не можетъ довольствоваться тѣмъ, чтобъ показывать предметъ ученикамъ издали, а долженъ давать имъ его въ руки, чтобъ они его оцупали и составили себѣ ясное понятіе о формахъ и особенностяхъ cadaго изъ нихъ.

Географія преподается съ помощію рельефныхъ картъ, которыя ученики держатъ подъ пальцами, пока учитель объясняетъ изучаемую страну. Существуютъ также земные глобусы—также рельефные, чтобы слѣпые могли лучше понять положеніе различныхъ частей свѣта.

Выпуклыя карты печатаются на очень толстой бумагѣ; очертанія земель и морей показаны выпуклыми сплошными линіями; теченіе рѣкъ, направленіе желѣзныхъ дорогъ обозначены другого рода выпуклыми линіями, или сплошными, или рядомъ точекъ; заглавная буква столицъ и

важнѣйшихъ городовъ означена знаками Брайля. Съ помощію такихъ картъ ученики легко достигаютъ точнаго знанія географіи.

Громкое чтеніе, которое такъ любятъ слѣпые, занимаетъ серьезное мѣсто въ ихъ обученіи. Нѣтъ лучшаго и быстрѣйшаго способа ознакомить ихъ съ образцовыми литературными произведеніями всѣхъ странъ, всѣхъ эпохъ и съ подробностями историческихъ событій. Разказы великихъ путешественниковъ также входятъ въ эту программу чтеній и увеличиваютъ интересъ къ нимъ.

Слѣпой ребенокъ, никогда не видавшій зданія, дома, быка, тыквы, корабля, будетъ всегда имѣть объ этихъ предметахъ самое неясное представленіе, если вы удовольствуетесь только словеснымъ ихъ объясненіемъ. Изображенія памятниковъ, животныхъ и растений должны быть непременно даны ему въ руки, чтобъ онъ получилъ полное понятіе объ ихъ отличительныхъ признакахъ. Конечно невозможно ввести въ классы Вандомскую колонну или слона изъ Jardin des plantes; но существуютъ модели, прекрасно сдѣланныя изъ картона или другого матеріала, которыя могутъ служить при такомъ обученіи. Когда же возможно представить сѣмяна, плоды, животныхъ въ натуральномъ видѣ,

живыми, засушенными или въ чучелахъ—это еще лучше, такъ какъ всего важнѣе приближаться къ дѣйствительности.

Я упомянулъ о Вандомской колоннѣ. Одинъ слѣпой органистъ мечталъ, какъ бы ознакомиться съ поставленной на ней статуей. Но какъ этого достигнуть, какъ ее ощупать? Когда наступила коммуна и бронзовое изображеніе упало въ прахъ вмѣстѣ съ памятникомъ на Вандомской площади, нашъ слѣпой сказалъ себѣ: «вотъ единственный случай увидѣть или скорѣе ощупать Наполеона, извѣстнаго всему Парижу. Онъ направился на площадь и, среди тысячи препятствій, ему удалось прорваться сквозь ряды войскъ и подойти къ расprostертому великому человѣку. Въ это время одинъ изъ національныхъ гвардейцевъ, случайно появившійся, чего хочетъ слѣпой, началъ ему излагать цѣлый курсъ современной исторіи: «Представь себѣ, этотъ тиранъ» и пр. пр., но нашъ слѣпой не слушалъ, а только продолжалъ ощупывать во всѣхъ направленіяхъ. Съ тѣхъ поръ онъ успокоился и доволенъ: онъ «видѣлъ» статую Императора.

Смотря по возрасту учениковъ, предметный урокъ становится мало по малу курсомъ естественной исторіи, преподаваніе которой для слѣ-

паго должно быть еще подробнѣе нежели для зрячаго, и такъ какъ здѣсь раскрашенные таблицы не могутъ служить пособіемъ, необходимо давать ученикамъ въ руки пластическія модели главныхъ представителей трехъ царствъ.

Наконецъ необходимо, чтобъ образованный слѣпой, а также знающій ремесло слѣпой, могли бы безъ помощи другихъ входить въ письменныя сношенія съ зрячими, — съ которыми ему придется имѣть дѣло. Для этого ему даютъ возможность писать и общимъ шрифтомъ. Нѣкоторые способы къ тому — чисто механическіе и не требуютъ особенной ловкости; другіе, напротивъ, не передаются безъ извѣстнаго рода искусства. За то для первыхъ необходимы довольно сложные приборы, тогда какъ письмо карандашемъ или тупымъ штифтомъ можетъ быть исполнено на снарядахъ гораздо болѣе простыхъ.

ГЛАВА IV.

Профессиональное образование.—Музыкант.

Безъ сомнѣнія пріятно знать правописаніе, арифметику, геометрію и проч. Грамматика извлеченіе кубическихъ корней, Пифагорова теорема, — все это имѣетъ для ума неоспоримый интересъ, а для сердца, какъ увѣряютъ, особенное морализующее свойство. Но, къ несчастію, достигнутый до сихъ поръ прогрессъ не сдѣлалъ эти полезныя знанія на столько же существенными въ матеріальномъ отношеніи, какъ въ умственномъ. Улучшеніе судьбы слѣпца, не обезпеченнаго состояніемъ, можетъ быть достигнуто только при помощи полного профессиональнаго образованія. — Что изъ него будетъ? ремесленникъ или музыкантъ? Вотъ вопросъ, который представляется прежде всего, когда слѣпой ребенокъ вступаетъ въ школу? И это вопросъ капитальный: лучшій слѣпой работникъ, если онъ не присоединитъ къ своему ремеслу нѣкоторую торговлю, не достигнетъ трудомъ ничего болѣе сухаго хлѣба. Музыкантъ, напротивъ, можетъ при благоприятной обстановкѣ,

съ талантомъ и любовью къ порядку, выйти изъ денежной стѣсненности. Поэтому вновь поступающій подвергается самому мелочному испытанію. Осматриваютъ устройство его рукъ, и заставляютъ спѣть ту пѣсенку, которую онъ всего лучше знаетъ, чтобъ удостовѣриться, есть ли у него слухъ и понятіе объ интонаціи; наконецъ, посредствомъ многочисленныхъ вопросовъ стараются проникнуть въ складъ его ума и характера.

Если опытный учитель, которому поручено это изслѣдованіе, найдетъ, что новичекъ годенъ къ музыкѣ, его записываютъ для опыта въ классъ солфеджіо и фортепьяно, тогда его музыкальныя способности тщательно и ежедневно упражняются. Хотя музыкальная профессія самая выгодная для слѣпаго, однако никто не станетъ настаивать, чтобъ онъ сдѣлался музыкантомъ во что бы то ни стало; напротивъ того, въ хорошо поставленныхъ школахъ, когда, вслѣдствіе частыхъ испытаній и повѣрокъ, убѣдятся, что у ученика нѣтъ таланта къ искусству, его занимаютъ исключительно ученіемъ какого нибудь ручнаго ремесла.

Чтобы быть въ самомъ дѣлѣ плодотворнымъ—музыкальное обученіе, даваемое слѣпымъ, должно быть очень серьезно.

Въ самомъ дѣлѣ, рѣчь вовсе не идетъ о томъ, чтобы превратить дѣтей въ музыкальныя машины, исполняющія по приказанію какую нибудь пьесу, заученную долгимъ и труднымъ упражненіемъ; нѣтъ, такой результатъ, способный привести въ изумленіе любопытнаго, но наивнаго посѣтителя школы, не имѣетъ для будущности слѣпаго никакого значенія. Рѣчь идетъ о томъ, чтобъ образовать музыкантовъ столько же твердыхъ въ теоріи, какъ и въ практикѣ своего искусства. По этому, не ограничиваются упражненіемъ пальцевъ слѣпаго ребенка въ механизмѣ игры на фортепьяно, органѣ, скрипкѣ, флейтѣ и гобоѣ; а стараются настоятельно подчинить его ухо и умъ благодѣтельной гимнастикѣ сольфеджіо и гармоніи, которыя приводятъ къ вокальной и инструментальной композиціи.

Болѣе всего способствуетъ теперь раціональному обученію слѣпыхъ музыкѣ — обученію широкому и полезному для ихъ карьеры, превосходное музыкальное письмо, которое придумалъ для нихъ Брайль. 63 знака, которые составляются изъ 6-ти точекъ ($\therefore$), достаточны, чтобъ ясно и быстро изображать всякія музыкальныя ноты, отъ простаго Россиніевского романса до самыхъ сложныхъ симфоній Вагнеров-

ской школы. Музыкальные ноты Брайля сами по себѣ изображаютъ не только звукъ, но и его продолжительность. У него нѣтъ пяти нотныхъ линеекъ; всѣ знаки слѣдуютъ одинъ за другимъ по горизонтальной линіи. Это расположеніе очень благоприятно для скорого чтенія нотъ ошупью, потому что пальцу не надо перебѣгать сверху внизъ и снизу вверхъ: онъ всегда слѣдуетъ въ прямомъ направленіи слѣва направо. Еще другое важное преимущество этого способа писанія нотъ заключается въ томъ, что онѣ занимаютъ на половину меньше мѣста, чѣмъ въ обыкновенной музыкѣ.

Библиографія слѣпыхъ музыкантовъ уже значительна; у нихъ есть не только много нотъ, напечатанныхъ спеціально для ихъ употребленія въ различныхъ странахъ, но еще множество такихъ, которыя переписаны для нихъ спеціальными писцами.

Вообще слѣпые должны знать наизусть тѣ пьесы, которыя они исполняютъ *); пѣвецъ же можетъ прекрасно читать ноты въ одно время

*) Не лишнее прибавить, что при игрѣ на нѣкоторыхъ мѣдныхъ инструментахъ, требующихъ употребленія только одной руки, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ при игрѣ на органѣ, слѣпые читаютъ лѣвою рукою то, что исполняютъ правою съ помощью педали, когда играютъ на органѣ.

съ исполненіемъ, такъ какъ при пѣніи его руки свободны. Вотъ какъ они заучиваютъ пѣсу наизусть. Хорошій музыкантъ-слѣпецъ, съ достаточно развитою памятью, прекрасно запоминаетъ даже длинную и сложную пѣсу послѣ одного или двукратнаго внимательнаго прочтенія ея ошупью, безъ помощи всякаго инструмента. Въ другихъ случаяхъ лѣвая рука читаетъ партію правой и послѣдняя одновременно ее исполняетъ; въ свою очередь правая рука прочитываетъ партію лѣвой и наконецъ обѣ руки вмѣстѣ исполняютъ выученныя отдѣльно партіи. Память нотъ, какъ и память словъ, сильно развивается ежедневнымъ и толковымъ упражненіемъ, особливо когда знаніе правилъ гармоніи позволяетъ понимать то, что заучиваютъ. Въ этомъ отношеніи слѣпые часто представляютъ рѣдкія явленія: одинъ изъ моихъ товарищей, три раза въ недѣлю посѣщавшій въ консерваторіи классы игры на органѣ, заучивалъ свои фуги и прочія пѣсы Баха въ omnibusъ, ходившемъ по направленію въ консерваторію. Онъ увѣрялъ, что никогда умъ его не былъ такъ расположенъ запоминать ихъ какъ въ это время.

Будущность слѣпаго обезпечена, если онъ научится фортепьянной игрѣ какъ истый музыкантъ, то есть съ пониманіемъ и умѣніемъ

отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что играетъ; но еще обезпеченіе тотъ, кто къ таланту пьяниста присоединить искусство настройщика. Преподаваніе настройки и исправленія фортепьянъ приобрѣтаетъ все болѣе и болѣе значенія въ школахъ слѣпыхъ. Это профессиональное обученіе составляетъ середину между музыкой и ремесломъ. Въ самомъ дѣлѣ, слѣпой дѣлается и артистомъ по развитію у него въ высокой степени музыкальнаго слуха и — механикомъ, потому что онъ научается производить въ механизмѣ фортепьянъ тѣ малыя починки, которыя не требуютъ отправки инструмента въ мастерскую.

Если вы знакомы только съ однѣми бѣлыми и черными клавишами фортепьянъ и любопытствуете заглянуть во внутренній составъ этого инструмента, то отправьтесь въ національную школу слѣпыхъ дѣтей въ Парижѣ и примѣшайтесь на нѣсколько минутъ къ ученикамъ-настройщикамъ. Васъ тоже попросятъ работать, поднимать, натягивать и опускать струны, молоточки, сурдины, клавиши, и если вы вернетесь оттуда не полнымъ знатокомъ, то получите по крайней мѣрѣ ясное понятіе, какъ готовятъ слѣпыхъ къ ремеслу настройщиковъ. Замѣчательно, но мало извѣстно то, что только школы

слѣпыхъ привели въ систему обученіе искусству настраивать фортепьяно: только тамъ посвящаютъ готовящагося въ настройщики въ тайну модификаціи звуковъ гаммы и замѣнили самоучекъ раціонально подготовленными людьми.

Цѣль такого обученія заключается въ образованіи настройщиковъ, которые тонкостью слуха, вѣрностью руки и совершенствомъ методы исключали бы возможность всякой конкуренціи. Ихъ превосходство часто признавалось первоклассными артистами.

Дѣвочки обучаютъ музыкѣ какъ и мальчики, но настраивать инструменты не учатъ.

ГЛАВА V.

Профессіональное образованіе. — Ремесла.

Есть различныя ручныя работы, доступныя слѣпымъ, такъ какъ во многихъ ремеслахъ рука можетъ дѣйствовать безъ помощи зрѣнія. Въ выборѣ того или другого ремесла слѣдуетъ руководствоваться съ одной стороны быстротою, съ которой слѣпой можетъ производить работу, съ другой — легкостью сбыта приготовленныхъ издѣлій.

Во французскихъ школахъ слѣпые учатся дѣлать щетки, переплеты для стульевъ, набиваютъ мебель, плетутъ сѣти, учатся токарному и корзинному ремеслу, дѣлаютъ плетеные ковры и циновки для половъ. Дѣвочки занимаются вязаньемъ, всякаго рода работами крючкомъ, дѣланіемъ сѣтокъ, шитьемъ и работами на вязальныхъ машинахъ.

Замѣчательно и давно дознано, что лучшіе учителя для слѣпыхъ — тоже слѣпые. Учитель зрячій, за весьма немногими исключеніями, съ

трудомъ отдѣляется въ своемъ преподаваніи слѣпымъ отъ нѣкоторыхъ предразсудковъ и понятій, болѣе теоретическихъ, нежели практическихъ. Напротивъ, слѣпой учитель знаетъ, какимъ путемъ достигнуть со своимъ ученикомъ той цѣли, которой онъ самъ достигъ. Рука зрячаго, направляя руку слѣпаго, чтобъ заставить его завязать узелъ на сѣткѣ, скрутить соломенный жгутъ, связать пучекъ морской травы или шелку, очень часто оказывается или слишкомъ тяжелою, или слишкомъ легкою: она или мѣшаетъ, или недостаточно направляетъ. Середина здѣсь лучше достигается слѣпымъ: обучаясь самъ, онъ находился въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ теперь находится ученикъ, котораго онъ обучаетъ.

По большей части для ремесленной работы слѣпой употребляетъ тѣ же инструменты, что и зрячій; нѣкоторые же изъ нихъ надо было видоизмѣнить и прибавить къ нимъ приспособленія, облегчающія ихъ употребленіе слѣпыми. Напримѣръ, всякій щеточникъ имѣетъ для обрѣзыванія щетины длинныя и широкія ножницы, одна ручка которыхъ придѣлана къ его станку. Лѣвая рука держитъ щетку за колодку, а правая двигаетъ ножницы той рукой, которая осталась свободною; работа очень легкая, такъ

какъ дѣло идетъ только о томъ, чтобъ обрѣзать всѣ ряды щетины ровно, на той вышинѣ, которая намѣчена на образцѣ.

Такимъ порядкомъ обучаютъ слѣпыхъ, подготавливая ихъ, сообразно способностямъ каждаго, ко вступленію въ жизнь въ качествѣ рабочей силы. Теперь намъ остается разсмотрѣть, чѣмъ они становятся въ обществѣ, какое положеніе тамъ занимаютъ, какую роль играютъ въ немъ.

СЛѢПЫЕ ВЪ ОБЩЕСТВѢ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

СЛѢПЫЕ ВЪ ОБЩЕСТВѢ.

Жизнь слѣпыхъ — жизнь, въ которой, по крайней мере, что касается слуха, не существуетъ различия между ними и другими людьми. Но слухъ, который является для слѣпыхъ единственнымъ средствомъ сообщенія съ другими людьми, является для нихъ источникомъ множества затрудненій. Они не могутъ видеть, что происходитъ вокругъ нихъ, и не могутъ узнать, что происходитъ въ ихъ жизни. Они не могутъ узнать, что происходитъ въ жизни другихъ людей, и не могутъ узнать, что происходитъ въ жизни общества. Они не могутъ узнать, что происходитъ въ жизни государства, и не могутъ узнать, что происходитъ въ жизни мира. Они не могутъ узнать, что происходитъ въ жизни человечества, и не могутъ узнать, что происходитъ въ жизни вселенной. Они не могутъ узнать, что происходитъ въ жизни жизни, и не могутъ узнать, что происходитъ въ жизни смерти.

Но слѣпые знаютъ, что жизнь — это борьба. Они знаютъ, что жизнь — это борьба за выживание. Они знаютъ, что жизнь — это борьба за счастье. Они знаютъ, что жизнь — это борьба за любовь. Они знаютъ, что жизнь — это борьба за свободу. Они знаютъ, что жизнь — это борьба за справедливость. Они знаютъ, что жизнь — это борьба за истину. Они знаютъ, что жизнь — это борьба за добро. Они знаютъ, что жизнь — это борьба за красоту. Они знаютъ, что жизнь — это борьба за жизнь.

ГЛАВА I.

Слѣпой прежнихъ времянь.

Возможность дать слѣпому жизнь дѣятельную, жизнь полезную—явленіе новое, до того новое, что многіе не вѣрятъ въ эту возможность. Превдѣ вѣковъ говоритъ намъ, что, за немногими исключеніями, слѣпороденный или потерявшій зрѣніе равнѣ чѣмъ онъ успѣлъ провести въ жизни свою борозду, осужденъ былъ оставаться навсегда существомъ слабымъ, незрѣлымъ, подлежащимъ опека, и долженъ былъ считать себя счастливымъ, если его не угнетали.

Въ Левитѣ сказано: «Не злословь глухого и предъ слѣпымъ не клади ничего, чтобы преткнуться ему.» У Евреевъ слѣпой долженъ былъ имѣть возможность спокойно ѣсть хлѣбъ, вымоленный имъ по большимъ дорогамъ.

Въ языческомъ обществѣ и этой безопасности для него не было и, какъ неспособный носить оружіе, онъ былъ оставляемъ въ небреженіи; когда его не уничтожали съ дѣтства, на что же онъ оказывался обреченнымъ? Пусть болѣе ученые нежели я отвѣтятъ на это.

Съ христіанствомъ явилось благоговѣйное уваженіе къ страданію и обильная милостыня. Богатый обязанъ прокормить недужнаго, бѣдный же, приближенный къ Богу несчастіемъ, молится, чтобъ заплатить этимъ свой долгъ и за получаемыя имъ блага временныя — привлечь блага духовныя. Понимаемое такимъ образомъ призваніе слѣпаго могло бы еще имѣть нѣкоторое достоинство; но для этого надо, чтобъ онъ обладалъ рѣдкою возвышенностью мыслей и чувствъ.

На дѣлѣ же слѣпые бродили по дорогамъ, селамъ и городамъ, нѣкоторые нищенствовали безмолвно, другіе — съ симфоніей на спинѣ, развлекая благородныхъ, мѣщанъ и крестьянъ, вторя пѣснѣ на излюбленномъ инструментѣ. Но они не ограничивались эпопеей своихъ правъ: они часто присоединяли къ пѣснѣ фиглярство, миимику и такіе припѣвы, которые могли привести ихъ въ столкновеніе съ цензурой. На богомольяхъ ихъ попадалося множество, часто поведеніе

ихъ было весьма не благочестиво. Хроникеры утверждаютъ, что они гораздо менѣе были склонны къ почитанію святыхъ, нежели къ осушенію кубковъ съ виномъ по сосѣдству съ храмомъ.

Нравственная повѣсть XV вѣка «Чудо Св. Мартына» Андрея Делавиня (1496) сообщаетъ намъ многозначительную черту нравовъ того времени. Она выводитъ на сцену слѣпаго и хромого, которые весело живутъ отъ плодовъ своего недуга; они счастливы, что могутъ такимъ образомъ сладко ѣсть и обильно пить, пользуясь милосердіемъ благочестивыхъ христіанъ. Но колченогій вдругъ приноситъ своему собрату ужасную вѣсть: великій святой только что скончался; тѣло его повесутъ торжественнымъ шествіемъ въ церковь и говорятъ, что мощи его имѣютъ такую непобѣдимую, чудотворную силу, что всѣ больные по дорогѣ исцѣляются. Слепой пораженъ этимъ. «Боже» восклицаетъ онъ, «что же будетъ съ нами, если святой исцѣлитъ насъ. Вѣдь онъ у насъ отниметъ хлѣбъ!» Хромой отвѣчаетъ, что надо скорѣй убираться. «Да», говоритъ слѣпой, «бѣжимъ же скорѣе въ шинокъ». Но первому трудно бѣжать скоро, а товарищъ его ровно ничего не видитъ. Тогда имъ приходитъ въ голову счастливая мысль: хромой влѣзаетъ на спину слѣпаго и такимъ образомъ

они бѣгутъ въ сосѣдній шинокъ. Но къ несчастію бѣгство ихъ совершается все-таки съ нѣкоторымъ затрудненіемъ; и вотъ шествіе ихъ обгоняетъ, раку съ мощами святаго проносятъ мимо ихъ и оба злополучные исцѣлены. Хромой приходитъ въ бѣшенство, чувствуя себя совершенно твердымъ на ногахъ; но слѣпой — (и тутъ тонко отмѣчено различіе) — слѣпой приходитъ въ неописанный восторгъ: «Увы!» говоритъ онъ, «я не зналъ, какое великое благо обладать зрѣніемъ! Я вижу Бургундію, Францію, Савойю и смиренно благодарю Бога.»

Впрочемъ, надо чистосердечно сознаться, что мало было сдѣлано для внушенія этимъ весельчакамъ серьезнаго взгляда на должное уваженіе ихъ къ своему человѣческому достоинству.

Журналъ: «Парижскій Гражданинъ» сообщаетъ намъ, что въ 1425 году устроенъ былъ бой въ отелѣ Арминакъ, на улицѣ С. Оноре, четырехъ слѣпыхъ съ огромнымъ и крѣпкимъ поросенкомъ. Ихъ вооружили палками и заставили бить это животное, съ тѣмъ, чтобы оно досталось тому, кто его убьетъ. Но слѣпые, вмѣсто того, наносили крѣпкіе удары другъ другу, такъ что еслибъ они вооружены были настоящимъ оружіемъ, то непременно убили бы одинъ другого.

Наканунѣ же торжественно водили ихъ по

всему Парижу съ музыкой и знаменемъ, на которомъ былъ изображенъ поросенокъ.

Иногда имъ выпадало на долю и болѣе благородное назначеніе. Хроникеръ рассказываетъ, какъ одинъ годъ въ Парижѣ были такіе сильные туманы, что трудно было ходить по улицамъ среди бѣла дня; слѣпые же изъ пріюта *Quinze-Vingts* не испытывали при ходьбѣ никакого неудобства и такъ какъ они вполне хорошо освоились съ малѣйшими закоулками своего города, они нанимались въ вожатые за известную плату въ часъ; прохожіе брали ихъ за полу платя и безопасно слѣдовали за ними. Въ Парижѣ призрѣваемые въ *Quinze-Vingts* слѣпые были господами и хозяевами; тамъ и даже въ провинціи, гдѣ они иногда путешествовали по своимъ дѣламъ, цвѣтокъ лиліи, который они прикалывали на груди и который былъ имъ дарованъ по указу Филиппа Красиваго, доставлялъ имъ лучшія мѣста на папертяхъ церквей. Вездѣ есть своя аристократія! Они часто ссорились со слѣпыми Шартра и изъ пріюта *Six-Vingts* изъ за этого цвѣтка, который былъ вовсе не пустымъ отличіемъ, а имѣлъ большое значеніе. Филиппъ Долгій далъ и этимъ послѣднимъ цвѣтокъ лиліи, но съ прибавленіемъ серебрянаго полумѣсяца. А такъ какъ имъ было выгоднѣе

выдавать себя за высокихъ и могущественныхъ Парижскихъ собратій и они охотно забывали при этомъ свой полумѣсяцъ, то изъ этого возникали споры, жалобы и даже еще хуже того.

Съ тѣхъ поръ какъ Людовикъ Святой основалъ богадѣльню *Quinze-Vingts*, не для трехсотъ легендарныхъ рыцарей, какъ несправедливо говорили, а вообще для слѣпыхъ города Парижа, это заведеніе всегда пользовалось особенными отличіями. Вѣрные сыны церкви, принцы, короли, папы занимались имъ. Ему дѣлались пожертвованія, отказывались капиталы; короли, начиная съ Людовика IX, давали туда пенсіи, преимущества, льготы; папы печатали воззванія (буллы), чтобъ привлечь вниманіе на это заведеніе. Это въ самомъ дѣлѣ была настоящая духовная конгрегація: общность имущества, званіе слѣпаго брата и слѣпой сестры, строгій уставъ, форменная одежда, своеобразное устройство, службы въ часовнѣ, все на это указывало.

Со временемъ господа *Quinze-Vingts* разбогатѣли, сложились въ крѣпкое общество, строго державшееся за свои привилегіи. Въ Парижѣ они вели серьезную борьбу съ посторонними сборщиками — зрячими или слѣпыми, которые осмѣливались дѣлать сборы въ ихъ предѣлахъ. Не только у Августинцевъ, Театинцевъ, въ

С. Есташѣ и другихъ мѣстахъ они могли всегда поживиться на папертяхъ, но даже усвоили себѣ странную привычку обѣгать съ рабскою услужливостью всѣ углы церкви, объявляя вѣрнымъ, какого въ тотъ день святаго чтутъ память, или произнося громко молитвы, когда простые смертные молились про себя.

Конечно, я вовсе не утверждаю, что до XIX вѣка совсѣмъ не было такихъ слѣпыхъ, которые умѣли сдѣлаться полезными или зарабатывать что нибудь трудомъ, пріобрѣтая этимъ чувство достоинства и независимость; такіе слѣпые были во всѣ времена и во всѣхъ странахъ. Въ Японіи съ самой глубокой древности всѣ слѣпые занимаются массажемъ и всѣ массажисты слѣпые, такъ что приглашаютъ все равно: слѣпаго или массажиста. А такъ какъ у нашихъ антиподовъ всеобщій обычай массироваться, то слѣпые получаютъ значительный доходъ и, откладывая часть въ сторону, наживаютъ капиталъ и еще увеличиваютъ его, отдавая займы за большіе проценты. Еще доходная и оригинальная профессія для слѣпыхъ существуетъ въ Каирѣ: у благочестивыхъ мусульманъ распространенъ обычай, что послѣ смерти какого нибудь знатнаго лица надъ нимъ въ продолженіи тридцати дней читаютъ коранъ трое смѣняющихся начетчи-

ковъ. Слепой, знающій коранъ, и обладающій хорошимъ голосомъ (условіе для этого необходимое), бываетъ очень занятъ. Но покинемъ Египеть, Японію и слѣпыхъ въ прежнія времена и поговоримъ о современныхъ слѣпыхъ, — дѣтяхъ Валентина Гаю.

ГЛАВА III.

Слѣпой въ наше время.

Я желалъ бы, чтобъ вы со мной вошли въ жилище слѣпаго, котораго я вчера посѣтилъ, — ремесленника, съ женою и дѣтьми (двумя малютками дѣвочками), живущаго поденнымъ заработкомъ, безъ всякой посторонней помощи. Семейство это помѣщается въ одномъ изъ маленькихъ домиковъ, образующихъ проулокъ близъ Tour de Vanves (Paris-Plaisance).

Хотя Апрельъ на дворѣ, но было холодно. Было 8^{1/2} часовъ вечера. Отецъ только что вернулся изъ мастерской, часомъ позже обыкновеннаго: случилась слѣпная работа. Только что окончили ужинъ. Работникъ, сказавъ мнѣ нѣсколько словъ привѣтствія, не теряя ни минуты, снимаетъ со стѣны рыболовную сѣть и бодро принимается за дѣло, говоря: «ну, теперь надо заработать плату за квартиру». Онъ въ мастерской щеточникъ, а у себя дома плететъ сѣти, отъ 8-ми часовъ вечера до полуночи; жена проворно убираетъ посуду, — четыре тарелки, да еще кое-какіе предмѣты и на противоположномъ концѣ стола располагаетъ со своею работою.

Она брошюровщица: каждый день или лучше каждый вечеръ она сшиваетъ сотни сотенъ тетрадей, особливо для маленькаго словаря Ларусса. Еслибъ она имѣла время заглянуть въ тѣсныя столбцы, наполняющіе эти тетради, она узнала бы опредѣленіе множества словъ, множества предметовъ, которые остаются для нее только мѣрами: на примѣръ слова отдыхъ, благосостояніе и даже достатокъ и обезпеченность.

Я съ намѣреніемъ не упомянулъ о счастіи, потому что оно вездѣ и нигдѣ и это слово еще ждетъ опредѣленія... Но брошюровщица имѣетъ ли время читать? Надо сшивать, сшивать и сшивать постоянно, поспѣшно соединяя тетради съ тетрадями; за это ей платятъ по 1 франку съ тысячи! «Сегодня», сказала она мнѣ, «я поздно получила работу, уже послѣ обѣда; это впрочемъ не бѣда, хотя придется сидѣть до часу дня, такъ какъ завтра же надо отнести все это готовымъ въ типографію улицы Монпарнасъ; я хочу быть на счету хорошихъ работницъ, которымъ всегда даютъ работу, когда даже ея мало». Каждый день дѣятельная молодая женщина зарабатываетъ 1 франкъ или 1¹/₂, что не мѣшаетъ ей заниматься своимъ маленькимъ хозяйствомъ, стряпней (конечно весьма скромной), стиркой,

починкой бѣлья и платья и пр. Пока мы бесѣдовали, дѣти, угнѣздившись на своей постелькѣ, безмятежно спали, и можетъ быть видѣли во снѣ игрушки счастливыхъ сосѣднихъ дѣтей или ближайшихъ игрушечныхъ лавокъ.

А я, между тѣмъ, записывая, что мнѣ сообщали, размышлялъ о томъ, какъ много въ разныхъ улицахъ Парижа бѣдныхъ работниковъ, самыхъ скромныхъ, самыхъ неизвѣстныхъ, которые являются настоящими героями труда и терпѣнія. Они не отыскиваютъ на страницахъ, проходящихъ черезъ ихъ руки, опредѣленія громкихъ словъ: пролетаріатъ, социальная революція и проч., и увѣрены, что настоящее средство бороться съ нуждою—это бодрость духа и терпѣніе.

И вотъ, вернувшись домой къ моему письменному столу, когда я вижу съ невольнымъ страхомъ скопившіяся отовсюду вокругъ меня бумаги и дѣла скучныя, прозаичныя, когда мнѣ кажется, что никогда ходъ маятника моихъ маленькихъ стѣнныхъ часовъ не задержится настолько въ своемъ движеніи, чтобъ дать мнѣ возможность одолѣть всѣ дѣла, подлежащія къ отправкѣ, я приободряюсь, вспоминая этого слѣпаго въ переулкѣ Tour de Vanves. Работая, онъ также прислушивается къ мѣрному постукива-

нію своихъ старыхъ часовъ съ кукушкой, и зная, что движеніе этого вѣрнаго товарища неумолимо, и не можетъ быть задержано, онъ самъ ускоряетъ движеніе своей иглы, потому что завтра къ 7-ми часамъ надо быть въ мастерской, чтобы заработать тѣ 2 или 2¹/₂ франка, на которые живетъ вся семья. Вечеромъ же онъ не можетъ не кончить того ряда петель, который долженъ доставить ему 365-ю часть платы за двѣ бѣдныя komórки, гдѣ вся семья спитъ, ѣсть и работаетъ, гдѣ немыслимо захворать, гдѣ ни на одинъ часъ нельзя позволить себѣ предаться унынію, чтобъ не произвести замѣшательства въ своемъ бюджетѣ.

Веселѣе смотреть иногда обстановка слѣпаго музыканта; онъ занимаетъ одинъ цѣлый домикъ; дверь съ ящикомъ для писемъ съ полированной ручкой и пуговкой звонка, выходитъ на одну изъ лучшихъ улицъ мѣстечка: на желѣзнодорожный бульваръ. Она на виду, доступъ къ ней нетруденъ. Войдемъ въ нее: въ нижнемъ этажѣ кухня, столовая, гостиная; въ концѣ корридора, сквозь стеклянную дверь, виденъ неизбежный фонтанчикъ, бьющій на 50 сантиметровъ и падающій въ чашу, которая должна изображать бассейнъ, и стоящую среди двора, съ двумя деревьями и кое какими цвѣточными клумбами.

Тутъ нѣсколько сыро, тѣсно; но все же это садикъ... Въ первомъ этажѣ по крайней мѣрѣ три комнаты, въ верхнемъ—кладовая, чердакъ; въ такомъ домикѣ можно жить. Сядемъ не надолго въ гостиной. Это главная комната. Самъ хозяинъ насъ туда вводитъ; меблировка хорошая, стулья и кресла покрыты Утрехтскимъ бархатомъ, круглый столъ съ ковровою скатертью съ аграмантомъ (вкусъ провинціальный), часы на каминѣ изъ золоченной бронзы представляютъ неизвѣстно почему принадлежности пастушеской жизни: посохъ, барашки, овечки и пастушка, конечно ожидающая своего пастушка. Бюсты Гомера, Бетховена и даже Вагнера. Лира или арфа были бы здѣсь болѣе умѣстны; но вѣдь эти предметы выбраны не самимъ слѣпымъ. Вмѣсто арфы есть за то почтенное фортепьяно: оно раскрыто и на немъ красуется имя Монталя (лучшаго фортепьяннаго мастера для слѣпыхъ), вверху разложены тетради нотъ, писанныя по Брайлю. Впрочемъ все очень чисто и убрано съ нѣкоторымъ кокетствомъ. Должно быть тутъ прошла женская рука... И въ самомъ дѣлѣ нашъ музыкантъ переживаетъ свой медовый мѣсяцъ; вотъ въ двухъ словахъ его повѣсть: она сходна со многими другими изъ круга его собратій.

Онъ нѣсколько моложе нашего пріятеля щеточника; однакожъ былъ его товарищемъ. Прежде чѣмъ вступить въ Парижскій институтъ слѣпыхъ, гдѣ оба воспитывались, онъ былъ не богаче своего собрата... Но очень скоро обнаружили въ немъ выдающіеся музыкальныя способности. Учился онъ хорошо и, хотя не сдѣлался знаменитостью въ музыкальномъ мірѣ, но, покинувъ школу хорошимъ піанистомъ, серьезно изучилъ гармонію и контрапунктъ, сдѣлался пріятнымъ композиторомъ, органистомъ и прекраснымъ настройщикомъ.

Общество покровительства слѣпыхъ, заботящееся о выходящихъ изъ института молодыхъ людяхъ и молодыхъ дѣвицахъ, послало нашего піаниста—ему тогда было двадцать лѣтъ—въ этотъ маленькій городокъ. Здѣсь нуженъ былъ органистъ и преподаватель музыки и не было порядочнаго настройщика. Первое время благотворительное общество нѣсколько помогало своему питомцу, который сначала жилъ въ маленькой меблированной комнаткѣ, а по части стола былъ въ пансіонѣ въ почтенномъ семействѣ. Но не все еще было достигнуто тѣмъ, что нашъ пріятель получилъ мѣсто органиста въ С.....; многое еще оставалось сдѣлать. Если приходскій священникъ, человѣкъ съ умомъ и серд-

цемъ, и осмѣлился предложить своему фабричному совѣту слѣпаго органиста, то онъ не могъ заставить всѣхъ взять его въ преподаватели музыки или въ настройщики. Жалованье же органиста далеко не министерское, а жить надо. «Старайся приобрѣсти репутацію и заявить себя съ хорошей стороны», повторяли ему священникъ и его друзья. Чтобъ сдѣлаться извѣстнымъ, надо было предпринимать объѣзды для пробныхъ настроекъ почти даромъ, потомъ устраивать незапѣливаемые концерты, якобы въ пользу бѣдныхъ, хотя самъ концертистъ былъ такой же бѣднякъ. Но когда человѣкъ сѣдетъ хорошо, рѣдко онъ не достигаетъ хорошей жатвы, и вотъ время пришло и жатва эта была обильна. Заработокъ настройщика сдѣлался выгоднымъ и кругъ дѣятельности его сильно расширился. Послѣ одного изъ знаменитыхъ концертовъ, дочь предсѣдателя суда, услышавшая блестящее исполненіе слѣпаго маэстро, объявила, что желаетъ достигнуть такого же совершенства въ игрѣ, какъ этотъ слѣпой господинъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ такъ превосходно играетъ по воскресеньямъ въ церкви большую мессу. Отецъ и мать сначала нѣсколько противились. «Невозможно, чтобы слѣпой могъ быть хорошимъ преподавателемъ. Да и какъ вдругъ отказать Г-жѣ Х. Она правда

не очень искусная преподавательница, — ты съ ней вовсе не успѣваешь, — но она такая хорошая особа!» Наконецъ отецъ согласился. Все шло какъ нельзя лучше: дѣвушка сдѣлала замѣчательные успѣхи и доставляла своею игрою много наслажденія на зимнихъ вечерахъ. Такому высокому примѣру послѣдовали: дочь судьи, потомъ дочери стряпчаго, сборщика податей и пр.; финансисты пошли вслѣдъ за судейскими, наконецъ къ чиновникамъ присоединилось нѣсколько негоціантовъ и поручили орґанисту своихъ дѣтей, такъ что годовой доходъ сдѣлался весьма порядочнымъ.

Просторная комната замѣнила прежнюю тѣсную, потомъ къ ней прибавилась гостиная и наконецъ музыкантъ поселился въ своемъ маленькомъ домикѣ желѣзнодорожнаго бульвара. И какъ всегда кончается, когда кончается хорошо, молодая дѣвушка по сосѣдству, правда безъ всякаго состоянія, показалась ему предназначенною для его счастья, свадьбу сыиграли и теперь ожидаютъ прибавленія семейства.

Нечего скрывать, что когда двое или трое малютокъ явятся, для пополненія этой милой семьи, порядка будетъ меньше и меньше чистоты и, увы, менѣе достатка. Дѣти — тяжелое бремя, но все въ мірѣ вознаграждается. Орга-

нисть мѣстечка С. знаетъ все это; но онъ говоритъ, что его ободряетъ примѣръ старшихъ собратій, хорошая практика, увеличивающаяся ежедневно, а прежде всего вѣра въ Провидѣніе.

Мы наблюдали слѣпыхъ у себя дома, чтобъ лучше узнать ихъ жизнь. Кажется, Жефферсонъ сказалъ, что для успѣшнаго наблюденія общественныхъ правовъ надо посѣщать обитателей жилищъ, заглянуть въ ихъ пищевую чашу, вкусить ихъ хлѣбъ, полежать на ихъ постеляхъ подъ предлогомъ отдыха, а въ самомъ дѣлѣ чтобъ узнать, насколько онѣ мягки. Въ такихъ наблюденіяхъ можно почерпнуть высшія наслажденія; но вы вкусите еще болѣе возвышенное удовольствіе, когда, узнавъ ихъ нужды, будете въ состояніи сдѣлать ихъ ложе спокойнѣе и положить кусокъ мяса въ горшокъ, въ которомъ варятся одни овощи и зелень, составляющіе ихъ скудную пищу.

Еслибъ посѣщенія по домамъ требовали менѣе времени, мы бы еще взглянули, какъ живутъ слѣпые дѣвушки, ремесленницы или музыкантши. И тѣ и другія рѣдко вступаютъ въ бракъ и почти всегда остаются незамужними. Обязанности хозяйки и матери семейства, какъ они понимаются нами въ Европѣ, едва ли доступны для слѣпой.

Жизнь слѣпой работницы очень сурова, если она не остается въ своей семьѣ или въ такой мастерской, гдѣ живутъ на всемъ готовомъ. Г. Госсонвиль въ своей прекрасной книгѣ «Бѣдность въ Парижѣ» указалъ намъ, какъ мало зрячая труженица можетъ заработать въ день, и доказалъ, какъ ей трудно этимъ прожить, если она должна жить одною ручною работою. Тѣ же работы, которыя могутъ быть исполнены слѣпою, на половину менѣе прибыльны.

Гораздо легче музыкантамъ достигнуть однимъ трудомъ обезпеченнаго положенія. Нельзя себѣ представить во сколькохъ женскихъ пансіонахъ, сиротскихъ институтахъ, приютахъ и богадѣльняхъ берутъ между слѣпыми преподавателей и преподавательницъ музыки, органистовъ и настройщиковъ. Слепая музыкантша можетъ отъ своего заработка нанимать маленькую комнатку, имѣть фортепіано, библіотечку: день ея хорошо наполненъ; она никому не въ тягость. Часто даже отъ своихъ маленькихъ сбереженій она помогаетъ старику отцу, даетъ на воспитаніе братьевъ или сестеръ и можетъ отложить что-нибудь на черный день. Жизнь ея проходитъ огражденная отъ сильныхъ бурь; ни большихъ радостей, ни большихъ огорченій. Развѣ это не есть въ своемъ родѣ счастье?

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Слѣпой въ будущемъ.

Вотъ что можетъ сдѣлать для слѣпыхъ школа, если конечно прежде всего у нихъ есть физическія и умственные способности, а затѣмъ позже они найдутъ работу. Можно ли сказать, что, обучая ихъ, тратишь напрасно время и деньги? «Результаты чудесны!» скажете вы; «но пойдете ли вы далѣе? Постараетесь ли вы быть полезны обученнымъ слѣпымъ?» Вотъ этого-то я и не знаю, а къ этому собственно клонились всѣ мои рѣчи, которыми, можетъ быть, я утомилъ васъ.

Не все еще сдѣлано для слѣпыхъ, далеко не все: велика еще задача и для насъ спеціалистовъ и для общественныхъ властей и особенно для частныхъ людей. Всѣ усовершенствованія, возможные въ спеціальныхъ методахъ, должны занимать насъ и въ самомъ дѣлѣ занимаютъ; но не всѣ еще слѣпые обучаются: слѣдовало бы увеличить число и значеніе ихъ школъ. Это тоже насъ заботитъ; общины, уѣзды, государство могутъ чрезвычайно облегчить нашъ трудъ.

Наконецъ надо указать, и въ этомъ, главнымъ образомъ, вижу я свою задачу, что по выходѣ изъ школы обученные слѣпые не находятъ достаточнаго обезпеченія въ своемъ трудѣ. Тутъ и частные люди могутъ много помочь: болѣе того — могутъ все сдѣлать и безъ большихъ жертвъ.

Какимъ же образомъ? спросите вы. А вотъ какъ. У васъ есть фортепіано, неправда ли? Берите настройщика — слѣпаго. Ваши дѣти, дѣти вашихъ знакомыхъ, друзей, можетъ быть, учатся музыкѣ; вспомните, что слѣпые могутъ быть отличными преподавателями.

Ваши паркеты, наши платья, обувь, сбруя требуютъ ежегодно щетокъ, метелокъ. Выдѣлка этихъ предметовъ представляетъ прекрасный заработокъ для слѣпыхъ. Покупайте этотъ товаръ въ ихъ спеціальныхъ складахъ. Всѣ сорта вязаній и плетеній изъ шерсти, шелку, бумаги превосходно исполняются слѣпыми мастерицами, которымъ всегда нужна работа. Наконецъ, если вы имѣете вліяніе въ какихъ нибудь общественныхъ заведеніяхъ: школахъ, сиротскихъ пріютахъ, богадѣльняхъ, или если вы — церковный староста въ своемъ приходѣ, вспомните слѣпыхъ. Вы сразу можете обезпечить судьбу слѣпаго музыканта или слѣпой музыкантши. Похлопочите

только, чтобы, при первой открывающейся ваканціи преподавателя музыки или органиста, обратились къ вамъ.

Просвѣтить невѣжественнаго слѣпаго, покровительствовать обученному слѣпому—это прямая общественная обязанность; если же вы не признаете ее, скажите: что же вы думаете дѣлать со столькими слѣпыми: вѣдь ихъ нельзя же истребить. Я вижу только два исхода и пришлось бы выбрать одинъ изъ нихъ: или избавить слѣпаго отъ всякой работы, или навсегда осудить его на одинъ тяжелый механическій трудъ. Въ первомъ случаѣ надо назначить ему пенсію, обезпечить его и семью; такъ какъ нельзя ему запретить обзавестись семьей. Но вы этимъ осудили бы его на губительную праздность, деморализовали бы его и нарушили бы великій законъ о трудѣ. Во второмъ случаѣ ему пришлось бы безмысленно, какъ животному, вертѣть жерновъ у ножеваго мастера или приводить въ движеніе мѣхи въ какой нибудь кузницѣ, выдѣлывающей гвозди. Это значило бы осудить его на жизнь безсловесной твари. Пожалуй, такая работа могла бы способствовать совершенствованію человѣка, но развѣ только святаго. Даже философъ этого бы не выдержалъ. Несчастный же слѣпой, не будучи ни святымъ, ни фило-

софомъ, пойдетъ въ кабакъ, чтобъ подкрѣпиться и забыться. Во что онъ тогда обратится, мнѣ извѣстно и я скажу вамъ это, когда потребуется.

Кто же можетъ этого желать? Для этого надо не признавать въ слѣпомъ души, не знать, что есть слѣпые нищіе, которыхъ нищета не развратила еще, потому что она для нихъ не добровольная, а невольная. Такой слѣпой какъ будто говорить вамъ: мнѣ скорѣе нужна ваша нравственная помощь, нежели ваша милостыня. Я охотно отдалъ бы десять лѣтъ жизни, еслибъ вы научили меня зарабатывать хлѣбъ. Валентинъ Гаю сто лѣтъ тому назадъ встрѣтилъ одного изъ этихъ слѣпыхъ и понялъ это. Онъ понялъ, какъ прекрасно поднять человѣка и поставить его на свое мѣсто, какъ прекрасно возстановить нарушенную гармонію въ мірѣ и возвратить звуки разбитой арфы. Не хотите ли и вы, подобно ему, оживить надеждой человѣка, дать дѣятельную жизнь слѣпому?
